

КОНСТАНТИН
КУПРИЯНОВ

ЖЕЛАНИЕ
ИСЧЕЗНУТЬ

ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Другая реальность

Константин Куприянов

Желание исчезнуть

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куприянов К.

Желание исчезнуть / К. Куприянов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Другая реальность)

ISBN 978-5-17-115992-4

Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Юрист по первому образованию, в 2013-м закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Его дебютный роман «Желание исчезнуть» – о современной войне и мире, который её игнорирует, – завоевал премию «Лицей – 2018», премию журнала «Знамя», вошёл в лонг-лист премии «Большая книга». «“Желание исчезнуть” – это остроумная дерзкая вещь; самой войны здесь практически нет; “мирный” литератор берётся за сочинение романа на крайне болезненную тему. Возможно, перед нами вообще первая крупная вещь об этой войне». (Лев Данилкин) Также в книгу вошла антиутопия «Новая реальность».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115992-4

© Куприянов К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Новая реальность	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Глава пятая	25
Глава шестая	32
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Константин Куприянов

Желание исчезнуть

Новая реальность Повесть

*Человечество стоит перед выбором:
свобода или счастье,
и для подавляющего большинства
счастье – лучше.*

Джордж Оруэлл. «1984»

Глава первая Старый редактор и новый редактор

Закончив раскладывать немногочисленные вещи, он наконец осмотрелся. Комната была тесной, в ней не поместилось бы ничего лишнего: стол, стул, постель и шкаф для одежды. По двум стенам от пола к потолку были развешаны книжные полки. Ряды запylённых, миллион лет никем не читанных книг ещё более сужали пространство.

В окне над столом белела зима, полосы серого цвета пересекали пол и стены. Впрочем, через пару недель ему стало казаться, что именно о такой небольшой комнатёнке он всегда мечтал. Андрей всегда хорошо уживался с обстоятельствами, и, может, поэтому в прошлой, столичной жизни они часто шли ему навстречу.

Через неделю, когда произошло его примирение с новым местом, Андрею, как и обещали, дали должность в главной (и единственной) газете города. Тут многое было в единственном экземпляре: не только газета, но также и радио, кинотеатр, библиотека, даже рынок. А ещё дорога для въезда и выезда из городка.

Впрочем, он не очень тревожился. Всё казалось временным. Об этом неустанно повторяли и по радио. «Временные меры», «временная угроза», «временные неудобства» и так далее. Устроившись в газету, Андрей узнал, что работа будет заключаться в том, чтобы повторять в статьях о временном характере всего происходящего.

Главным редактором была молодая женщина. В первый день она вызвала его к себе и пространно начала рассказывать о политике газеты, её целях и задачах. Андрей слушал вполуха. Ему, маститому московскому журналисту, казалось нереальным застрять тут надолго. Во время её монолога больше всего ему хотелось спросить, замужем ли она и естественный ли у неё цвет волос.

– У вас остались вопросы? – лучезарно улыбнувшись, спросила она, когда закончила рассказывать. Андрей поймал себя на мысли, что почти ничего не запомнил.

– Простите, я могу задать вопрос не по теме нашей встречи?

– Да, конечно.

– Что думает ваш супруг об этом?

Редактор непонимающе похлопала ресницами. Её огромные глаза окончательно превратились в голубые блюдца. Андрей не смог сдержать улыбку.

– О переезде сюда, – уточнил он.

– Он ничего не думает, – сказала она после секундного замешательства, – вернее, мы не... в общем, он ничего не думает.

«Неожиданно», – подумал Андрей, чей внутренний голос склонялся к тому, что она не замужем. Он вдруг почувствовал апатию и растерянность. Конечно, позже, в другое время и в других обстоятельствах можно будет продолжить натиск, но сейчас ему этого не хотелось. Он вообще не хотел углубляться в расспросы, однако редактор заговорила дальше сама:

– Но даже если у него и есть какие-то мысли... то он не думает ничего специфического, если вы понимаете, о чём я.

– Нет, не понимаю. Что тут можно «специфическое» думать или не думать?

– Но вы же имели что-то в виду, не так ли? – Редактор встрепенулась и подалась вперёд, чуть перегнувшись через стол, хотя её и так было прекрасно слышно.

– Я вот думаю, что тут довольно мило, – сказал он первое, что пришло в голову, и перевёл взгляд на окно.

Сидели они в кабинете на последнем этаже здания бывшего завода. Огромное пространство двора было утоплено в снегу. Ветер, порывами налетающий с бескрайних просторов тундры, подтаскивал снег к ограде. Андрей почувствовал меланхолию и поспешил отвернуться, вновь встретиться глазами с редактором.

– Да, здесь очень мило, – согласилась она.

– Я, знаете, тоже ничего особенного не думаю. Не знаю, зачем спросил. Извините.

– О, нет-нет, я ценю ваш интерес, – казалось, она заговорила с облегчением.

Они простились, и Андрей отправился на своё рабочее место. Редакции газеты был отдан целый этаж. Зачем так много? Пока здесь трудилось всего десять человек. Кажется, редактор что-то упоминала о расширении. Но Андрей не стал переспрашивать, а просто занялся делом. «Всё временно», – повторил он.

Андрей без особых сложностей составил несколько текстов, которые ему в качестве задания прислала редактор. Это напоминало работу на втором-третьем курсе института. Он сделал её механически, почти не вникая в то, что пишет. Больше походило на агитационный плакат, чем на статью. Впрочем, посидев над ней с полчаса и перечитав дважды, он убедился, что именно агитацией теперь и занимается.

Это осознание задело его. Несколько минут он просидел в растерянности. Он почувствовал себя натянутой пружиной, готовой в любой момент разжаться. Вот сейчас он вскочит, пересечёт холодный, плохо отапливаемый этаж, ворвётся в кабинет к блондинке и воскликнет: «На такое я не готов подписаться! Извините, что отнял ваше время, но я ошибся!» Он объяснит, что привык заниматься журналистикой: расследованиями, разоблачениями, аналитикой, громкими выводами, а не демагогией на уровне болтовни в подъезде – ему не пришлось даже ни разу зайти в интернет, чтобы написать это.

Но по какой-то причине пружина не разжалась. Пройдёт много времени, но всякий раз, думая о том, чтобы отказаться от этой работы, Андрей представлял себя снова едущим через тундру – в обратном направлении, к Москве, через те же бесконечные заснеженные просторы «настоящей» России, прежде известные ему лишь смутно. Делалось неудобно и даже страшно от размеров страны, которую он, столичный житель, прекрасно представлял по карте, но совершенно не был готов объять в действительности.

Когда он спрашивал, ещё в самом начале пути, отчего их не отправляют в городок на самолёте, ответили очень просто и неправдоподобно: «Посадочную полосу не вычистить от снега». Он чувствовал, что и назад ехать придётся на поезде, пересекающем яростной чёрной стрелой утонувшие в полярной ночи белоснежные поля. Постепенно он расслабился и поник над текстом, стараясь думать как можно меньше. Время пошло быстрее.

В день Андрей обязан был сдавать не менее трех статей. Писать требовалось под тремя разными псевдонимами и по возможности – с тремя различными интонациями. Однако,

несмотря на поселившееся в голове Андрея многоголосие, тексты сводились к одной и той же мантре: «пребывание в городе временное, все сложности – не навсегда, вы рано или поздно вернётесь в родные дома, всё пойдёт по-прежнему» и так далее.

Пару недель спустя Андрей подумал, что его статьи слишком однообразны, голоса ничем не отличаются от его собственного и что для придания им жизни нужно получить хоть какую-то информацию о внешнем мире. С этой мыслью он пришёл в кабинет редактора. В кресле главреда сидел среднего роста мужчина в тёмно-коричневом костюме, белой рубашке и чёрном галстуке. Закинув ноги на стол, он читал маленькую записную книжку – судя по розовой обложке, она явно принадлежала не ему.

Пёстрая записная книжка показалась Андрею единственным ярким пятном в кабинете: за те недели, что прошли со времени первого и последнего разговора с девушкой, куда-то исчезли все книги и журналы, опустели полки и стол, пропали картины. Собственно, не было ни компьютера, ни даже комнатных цветов.

Пустота добралась и до подоконника: чуть дрожали от порывов метели деревянные ставни, звенели стёкла. Тусклое пятно уличного света освещало фигуру и лицо незнакомого мужчины, сидящего за столом главреда (был морозный полдень – впрочем, здесь, за полярным кругом, день лишь слабо подсвечивался, урывая краткие пару часов между вздохами вечной беззвёздной ночи).

Андрей сначала хотел сказать, что ошибся кабинетом, но потом решил просто незаметно выскользнуть обратно в коридор, ведь незнакомец никак не отреагировал на его появление.

– Постойте, – властно сказал он, когда Андрей уже почти закрыл дверь. – Войдите.

Андрей вошел. Мужчина впервые поднял на него глаза и изучал несколько мгновений. У него было узкое уставшее лицо, иссечённое мелкими морщинами; благодаря длинному носу и узким бескровным губам оно казалось заострённым, как у птицы. Однако он не выглядел старым. Его глаза были скрыты за толстыми линзами очков, поэтому Андрей не видел, какого они цвета. Через несколько секунд незнакомец вернулся к изучению записной книжки. Проведя за ней некоторое время, он небрежно сказал:

– Сядьте.

Андрей сел. Он поймал себя на мысли, что в прошлой, московской жизни испытывал бы возмущение и гнев, что какой-то непонятный человек отдаёт ему команды, как собаке. Но мысль о неповиновении возникла, померцала недолго и ушла. На её месте осталась белая, безразличная покорность. Закончив листать записную книжку, незнакомец отложил ее в сторону, сел ровно и спросил:

– Вы, должно быть, Андрей?

– Да.

– И вы зашли, чтобы побеседовать с прежним редактором?

– Да.

– К сожалению, она уехала.

«Интересно, он ждёт от меня какой реакции?» – подумал Андрей и понимающе кивнул.

– Вам не любопытно куда?

– Наверное, обратно. Домой.

Человек хмыкнул и удовлетворённо улыбнулся, как будто Андрей угадал ответ в викторине. Он снова занялся чтением книжки.

– Все рано или поздно вернёмся, – проронил он. – Кстати, можете обсудить свой вопрос со мной. Теперь я тут редактор.

Андрей поёжился, осматривая кабинет ещё раз: казалось, какая-то мрачная сила высала отсюда все краски жизни, и, хотя тому не было никаких подтверждений – что-то заставляло его думать, что человек в коричневом костюме имеет к этому отношение.

Тем не менее он сказал:

– Мне нужно больше информации о внешнем мире. Нужен доступ в интернет, московские газеты, новости о том, что там происходит.

– Там? – Редактор снял очки, отложил чтение и изобразил голосом удивление, но его глаза не выразили ни капли эмоций. Он смотрел на Андрея внимательным, пронизывающим взглядом, который, в отличие от взгляда обычного человека, не содержал никакой связующей людей теплоты – только холодное, расчётливое любопытство, будто перед ним сидело уравнение в человеческом обличии.

– Ну да, – смущённо подтвердил Андрей, – во внешнем мире.

– Зачем это вам такая информация?

– Понимаете, я журналист...

– Я знаю, – мужчина опустил локти на стол и приблизил острое птичье лицо. Андрей хотел податься назад, но он оцепенел на стуле и лишь поёрзал от неужога, уставился вниз. – Думаете, я не знаю, кто вы? Я же вам сказал, что я новый редактор. У вас проблемы со слухом?

– Нет.

– Тогда к чему эти слова? «Я журналист». Я прекрасно осведомлён, кто вы, Андрей Павлович Городков. Мне прекрасно известно, откуда и когда вы прибыли, кем работаете, какую комнату в городе занимаете и по каким часам приходите на службу сюда. Кстати, к вашей дисциплине есть вопросы.

Андрей растерянно поглядел на него. Неужели он про те две минуты вчерашнего опоздания? Или про пять минут, что Андрей украл в пятницу, уйдя домой пораньше, чтобы послушать по радио трансляцию матча?..

Удивительно, в Москве он вообще не обращал внимания на свое рабочее время. Вроде бы оно было прописано в контракте, но он даже не знал, где и валяется этот контракт. Ему никогда не говорили о дисциплине, редактор только требовал сдавать материалы в срок, но это и так все понимали... Новая реальность – зауженная в чёрном, пахнущем лаком кабинете из дерева – заковала Андрея в цепи растерянности и беспомощности. Он чувствовал, что настоящий Андрей давно вышел вон не только из этого здания, но и вообще из города, возвратился в кипучую, вечно занятую Москву и успешно работает в любимом глянцевоm журнале, который горожане читают за утренним кофе или прозябая в пробке на Третьем кольце... Если так, то здесь осталась лишь никчёмная оболочка, разучившаяся возражать, чувствовать негодование или обиду; она сидит тут, отбывая наказание за ещё не доказанное преступление.

– Не могли бы вы перейти к делу? – Не дождавшись реакции, мужчина нахмурился и соединил пальцы в замок.

– Понимаете... Я пишу статьи о временности нашего положения. Я пишу, как вы знаете, под тремя разными псевдонимами, и мне... бывает нужен материал. В городе очень мало событий, и я... и мне... нужно, бывает, обосновать то, что я пишу, привести примеры, пояснить, почему мы должны пережить этот период здесь...

– Хм, теперь уже я засомневался, журналист ли вы, столько заикаетесь, – иронично сказал новый редактор. – Но если серьёзно, зачем вам что-то обосновывать?

– Ну... приводить аргументы, звучать убедительно...

– Чему вас только учат в этом МГУ? Вы хоть знаете, сколько государство тратит на обучение таких как вы? Знаете, сколько тысяч рублей стоит обучение вот такого «профессионала»?! А он потом приходит к редактору и клянчит интернет. Я вам скажу вот что: если вас не научили писать статьи так, чтобы не требовалось ничего обосновывать, то ищите себе новую работу. У меня очередь внизу из бывших столичных журналистов, и каждый умоляет его взять на работу. А вы получили место безо всякого конкурса и не исполняете свои обязанности, прбсите, чтобы вам ещё что-то давали!

Андрей просидел несколько мгновений, как оглушённый, потом кивнул и сказал:

– Я просто думал, что мне нужно больше знать о происходящем, если я о нём пишу. Но, видимо, я ошибся.

Редактор фыркнул.

– Конечно ошиблись! Интернета в городе нет. Есть зато более важные вещи: вода, еда, электроэнергия, газ. Имеются музеи, театры, радиостанция. Надёжная охрана, в конце концов. Вам мало?

– Нет-нет.

– Вот это правильно. Кстати, интернета нет и у меня, – голос редактора вдруг стал теплее и доверительнее. Андрей невольно потянулся за ним, почувствовав человечность, как растения тянутся к солнцу. – Это сейчас не самое важное. Представляете, каково тем, кто остался там, позади?

– Не представляю, – искренне ответил Андрей, – мы же ничего о них не слышим и не знаем. Емейл написать не можем, новостей нет...

– Опять вы про свои новости и емейлы! – воскликнул редактор. – Вы что, издеваетесь?!

– Но я... – Андрей понял, что от него требуется перестать упоминать ненавистные редактору вещи, но отмотать назад уже не мог.

– Вам создают все условия! Строят город посреди пустыни, завозят всё необходимое, свозят лучшие умы, спасают их от наступающей холодной зимы в Москве! А они что: «нам бы интернету», «нам бы емейльчик написать»! – Он передразнил более высокий голос Андрея. – Будь моя воля, выбрасывал бы всех к чёртовой бабушке в тундру, и ищите там под снегом свой интернет!

– Всё понятно, – поспешил вставить Андрей, когда улучил секунду.

Он ожидал, что въедливый редактор потребует сказать, что именно ему понятно, но тот моментально успокоился, будто увидел: собеседник осознал правила игры, и можно перестать корчить из себя возмущённого. Лицо его приняло прежний равнодушный отстранённый вид, и снова он смотрел сквозь Андрея, пронизывая его глазами-излучателями.

– Раз вам понятно, то поверьте мне на слово, что там, откуда вы все приехали, сейчас очень и очень несладко. И знать в подробностях вовсе не обязательно. Придёт время, и все мы вернёмся. Вот вы где жили в Москве?

– В Тушине.

– Ну вот, я там бывал, лет двадцать назад, на концерте.

– Здорово, – Андрей улыбнулся. На мгновение тот прежний, столичный Андрей посетил безвольную оболочку, прикованную к стулу, и наполнил её жизнелюбием и радостью. Это продлилось недолго.

– А вообще я из такого же городка, как этот, – добавил редактор. – Так что мне тут более привычно, чем вам. Но вы тоже привыкнете.

Прежний Андрей шепнул чуть слышным голосом: «К тому же у вас нет выбора», заканчивая фразу, повисшую в кабинете. Но Андрей нынешний предпочёл его не слышать. Он улыбнулся и пожелал начальнику приятного дня.

Глава вторая

Попытки предаваться воспоминаниям о Москве

Вернувшись на рабочее место, Андрей дописал привычные три материала, разбросал их по трём своим псевдонимам и неподвижно застыл перед компьютером. Обычно он не заканчивал так рано. В редакции было как всегда тихо, но лишь сегодня впервые он обратил внимание на эту тишину. Андрей тщетно пытался вызвать к жизни прошлого себя, умевшего чувствовать и протестовать против того, что ему не нравится. И тогда он побрёл по прерывающейся тропинке воспоминаний, чтобы дойти до того места, где старый Андрей остался стоять, а новый – безвольный и бесчувственный – продолжил путь в заснеженную тундру.

Оказалось, это не так просто. Память то и дело подводила, он спотыкался, поднимался, отряхивался, замещал пустые, белые как снег пространства выдуманными и по этой бледной выдумке, кое-как, преодолевал расстояние в сторону увядающего прошлого. Как он ни старался, найденные воспоминания были нереалистичными, приукрашенными – будто всё, что ему удавалось восстановить, происходило не с ним и не вполне взаправду, а с персонажем, которого выдумали, но вовремя стёрли и заменили пустой функцией в редакции городской газеты.

Андрей постепенно отматывал дни: вот вечер, когда их поезд оказался на станции городка. В купе ещё трое: тревожный молодой студент-физик с такой же молодой, но беспечной женой и полуторогодовалый мальчик. Студент подскакивал на каждой остановке и силился увидеть, что творится за тёмным пятном окна. Андрею долгое время казалось это напрасным трудом, но в тот вечер они действительно достигли конечной платформы. Какой день пути это был? Третий? Пятый? Седьмой?

На платформе много полиции, собак, каких-то энергичных людей в длинных зимних пальто и шляпах. Вдруг почудилось, что в одном из них он угадывает нынешнего редактора: кто-то с заострённым носом подходит, заглядывает в их окно, водит лицом из стороны в сторону, будто сканируя людей, замерших в тепле. Никто из них прежде не ощущал на себе такого взгляда, никто не смог бы назвать живущую внутри него могущественную тёмную силу. Но сейчас, недели спустя, Андрею начинает казаться, что, возможно, именно этим острым взглядом, видящим не людей, а только клетки для строительства нового городка, его прошлого и его нынешнего отделили друг от друга.

– Куда мы, интересно, прибыли? Как вы считаете? – со смешком спросил студент. Андрей пожал плечами. – Думаете, конечная?

Минуты потянулись медленнее. По вагону повторялось объявление: «Не покидать купе, оставаться на местах, приготовить документы». Студент принялся копаться в одной из многочисленных сумок, но через несколько минут взвизгнул как ошпаренный.

– Что случилось? – спросила жена.

– Эвакуационный листок! Эвакуационный листок не могу найти!

Впервые за путешествие его супруга потеряла безмятежный вид, её лицо исказил страх. Оба принялись искать листок, Андрей глядел на них, словно угодил в чужой кошмарный сон. Его ноги стали тряпичными, руки опустились на колени, он вжался в уголок своей полки и не мог даже почувствовать раздражение к ревущему ребёнку, потому что страх молодой пары вполне передался ему, отравил кровь. Пальцы слабо сжимали собственный паспорт и злосчастный потрёпанный листок, где были напечатаны его сведения и разрешение покинуть Москву и следовать в эвакуацию.

Никто в поезде не мог бы внятно объяснить, что в потере такого ужасного. На всех преодоленных полустанках проверяющие смотрели листок мельком, и никто не комментировал его содержание, но общее, неизвестно откуда взявшееся понимание, что листок терять нельзя,

поселилось в нём и попутчиках, сделало заложниками нелепой потери. Жена начала яростно бранить студента, но их прервал звук скользящей двери: в купе вошли двое полицейских. Андрей в полузабытье протянул документы, молодой румяный сержант вырвал их с нетерпением, а второй в этот момент выслушивал сбивающиеся объяснения студентов...

Впрочем, Андрей понимал, что идти надо дальше в прошлое. Он нёсся в направлении, обратном движению поезда: тот не сразу угодил в заснеженную пустыню. Первые двое суток он взбирался по российской средней полосе, упрямо не делая остановок нигде, кроме маленьких провинциальных станций вдали от городов, и даже там – лишь поздними вечерами и ночью. В остальное время состав мчался без усталости, будто смутная угроза, бесконечно пульсирующая в разговорах, интернете, по телевизору, преследовала их, яростно гнала состав подальше от дневного света.

Наконец память Андрея добралась до дня отправления. Никто не приехал его проводить. Он стоял один, с маленьким туристическим чемоданом; с ним он привык ездить в Европу или Юго-Восточную Азию – зимние вещи едва поместились. Прежде, собирая его много раз, он никак не думал, что будет однажды держать в руках билет со странным, будто взятым из прошлого словом «ЭВАКУАЦИЯ», выбитым чёрными буквами поперёк жёлтой бумажки.

Уже тогда общительность его оставила. Он глядел на телефон и всё ждал, что позвонят друзья или хотя бы Лена. Но никто не звонил, а над платформой разносился голос диктора: «Всем отбывающим с пятого пути сдать мобильные телефоны и средства личной связи. При обнаружении несданных средств связи будет осуществляться высадка с поезда без дальнейшей транспортировки!» Андрей не помнил, сколько лет не расставался с телефоном. Дома он сел было переписать номера на бумагу, но забросил это дело через полторы сотни имён. Да и не верилось, что телефоны отберут навсегда.

– Простите, – вспоминал он собственный голос, тогда ещё вполне твёрдый, – а когда нам вернут наши телефоны?

– Сдавайте телефон или покидайте платформу, – не глядя ответила женщина, принимавшая аппараты. – Всё по прибытии расскажут.

– Ну их же туда привезут?

– Молодой человек, либо сдаёте, либо не садитесь на поезд, что непонятного? На входе будет досмотр.

Андрей решил ещё постоять на платформе. Время убывало. Не было сил двинуться. Начали зачитывать фамилии опаздывавших. «Городков, Городков, Городков», – слышал он. Андрей крутил головой, пытаясь увидеть друзей, обещавших проводить, или хотя бы Лену. Но никто не пришёл. Никто не звонил. Может, именно в этот момент оглушительного, из ниоткуда взявшегося одиночества и пропал старый Андрей?.. Нынешний присмотрелся к нему повнимательней, но признаков умирания не увидел. Нет, наверное, это случилось ещё раньше. Оставив воспоминание о последних минутах в Москве, когда он отдал проводнице трубку и шагнул в вагон для обыска, Андрей отправился ещё дальше.

Вот он собирает вещи: вдумчиво, аккуратно складывает рубашки; пересматривает фотографии и выбирает, какие взять; собирает в стопку книги и говорит Лене, что оставит их в квартире. Не отрывая глаз от компьютера, она отвечает: «Конечно, почему бы не заняться чтением». Он продолжает сборы. Нет, это совсем не интересно. Андрей отходит дальше, на несколько дней назад, в тот вечер, когда она узнаёт, что решение ехать принято.

– Что ж, – говорит Лена, – раз ты предпочитаешь обставить это таким образом, так тому и быть!

– Что обставить?

– Своё бегство! Вчера мы строили планы, у нас было будущее, а сегодня ты говоришь мне «оревуар». Ну что ж, очень по-европейски! – В руках её сверкает большая металлическая

зажигалка, пальцы плохо слушаются, она щёлкает крышкой, выпускает пламя, сигарета начинает тлеть в её губах. Она почти не затягивается, дымит просто для позы.

– Надеюсь, ты образумишься и приедешь вслед за мной.

– Образумлюсь? Ты купился на дешёвую пропаганду и тащишься в неизвестность, а мне говоришь о разуме! Андрюша, ау! – Она касается его лба – её ладонь ледяная. – Ого, ты горишь!

Он растерянно улыбается.

– Брось, у нас прекрасная жизнь, у нас карьера! Какая эвакуация, о чём ты?! Нигде в России не может быть безопаснее, чем в Москве. Тут вся власть же. Что с нами случится?

Андрей опускает глаза. Может, в тот вечер?..

По редакции пронёсся дребезжащий звонок. Шесть часов. Заснеженные улицы давно и плотно стянул мрак. Сотрудники покидали редакцию. Андрей просидел некоторое время, силясь отнестись ещё раньше в прошлое: в день, когда он получил предложение об эвакуации, или когда впервые услышал о том, что несколько тысяч человек будут вывезены из Москвы ввиду приближающейся угрозы, или даже в день, когда он впервые услышал об угрозе именно как об Угрозе, а не о наборе событий, происходящих в мире, медленно, но верно стремящихся захлопнуть пасть вокруг одиноко стоящей России. Однако шум шагов помешал ему, и он решил не привлекать к себе внимания, оставшись сидеть, когда остальные уходят.

«Обдумаю это дома», – решил он, однако дома память отказалась служить: Андрей уснул, едва прилёт на кровать, и ему ничего не снилось. Он проснулся с головной болью, как будто накануне много выпил, и о погружении в воспоминания не могло быть и речи – дожить бы до вечера. Боль мучила его весь день, немного отступив к обеду. Он попытался было вернуться в прошлое, но, словно поджидавший его на неверной дорожке часовой, боль тут же нагрянула с новой силой.

Он кое-как закончил работу к самому времени вечернего звонка и немедленно отправился домой спать – лишь во сне боль оставила его в покое. На следующий день была только среда, а у него уже не было сил ни на работу, ни на воспоминания. Только нежелание видеть птичье лицо редактора заставило остаться и не просить отгул. Взяв себя в руки и выпив три таблетки анальгина, Андрей дописал свои положенные три материала, на полчаса задержав завтрашний номер.

Он предположил, что редактор придёт делать ему выговор, но тот не появлялся, и в шесть сорок вечера Андрей вышел из здания – последним. Только сейчас, промучив два дня, боль полностью отпустила его. На свежем воздухе стало гораздо лучше. Откуда ни возьмись возникло желание курить. Андрей отправился в магазинчик на углу. Оказалось, что ассортимент невелик. Он взял «Северные», о которых прежде никогда не слыхивал: после первой затяжки показалось, что курит сухую траву с привкусом табака. На улице разбушевалась метель, он не стал докуривать, вернулся домой и закрылся в комнате.

Без интернета ритуал засыпания сводился к чтению книги и выключению света, а после Андрей лежал в безмысленном вакууме несколько десятков минут, пока такой же пустой сон не забирал его в черноту до утра. На этот раз у него ещё были сигареты. Он закурил. В тёплом помещении это оказалось приятнее. Андрей невольно улыбнулся, переносясь в далёкое прошлое: он сидит с полудюжиной друзей и коллег в небольшом баре прямо под редакцией после сдачи очередного материала.

Им весело, обсуждают планы на отпуска и каникулы (приближался очередной Новый год, но какой – было невозможно вспомнить). Все собирались куда-то ехать или лететь: вот Пашка Самылин – всегда брал билеты в Индию, не на Гоа, а именно на материковую часть, говорил, что не может представить зиму без запаха «настоящего карри», но все знали, что он летит туда как следует накуриться; а вот Сёма – время безжалостно стерло его фамилию – водитель редакции, самый пьющий человек из знакомых Андрея, – и в этом воспоминании он тоже напился первым, самым дешёвым пойлом, но Сёму никто не осуждает, ведь до следующего года

с ним никто не поедет, значит, улицы города в безопасности, чьи-то руки доверительно лежат на плечах Сёмы, но Андрей не помнит, кто это такая; а вот и она – его Лена, в воспоминаниях она юная, беззаботная, талантливая, щебечет с какой-то секретаршей, болтая в руке тонкий бокал для «Маргариты»...

Раздался стук, улыбка исчезла с лица Андрея. Он поднялся и сделал два шага – именно столько было нужно, чтобы пересечь комнатку и открыть дверь. В коридоре вполоборота стояла хозяйка – маленькая темноволосая женщина с тонкими руками и узким, вечно удивлённым лицом. Она заглянула в комнату, но ничего не сказала, пока Андрей не спросил:

– Простите, вы стучали?

– Вы что, курите?

– Да.

– Это запрещено. У меня тут не курят.

– Но вы же сами курите, – заметил он.

– Если хотите курить, проходите на кухню и там курите сколько вам угодно. А тут книги у меня. Нечего их прокуривать.

Она объявила это бойким голосом, он раньше не слышал или позабыл, чтоб она так разговаривала – не так уж часто они прежде общались. На кухне тоже было тесно, не было даже места сидеть: вдоль стены умещались только стол и шкафчики, холодильник, газовая плита и гигантские мешки с картошкой и луком. Узкое окно было плотно закрыто, утеплено ватой и бумагой, но всё равно сквозь него просачивалась лютая зима. Хозяйка накинула куртку и тоже курила.

– Это что у вас, «Северные»? – спросила она. – Дорогие. Наверное, вам в газете хорошо платят?

Он не помнил, чтобы они когда-либо обсуждали, где он работает. Но, наверное, она могла узнать от городской администрации, которая обеспечивала расселение эвакуированных.

– Что-то платят, – согласился он. – Тратить не на что.

– Это вам не на что. А нам было бы на что.

– Вы давно живёте в городке?

– Городок как городок, – невпопад сказала хозяйка, – нам всё нравится! А кому не нравится – разъехались! И могут дальше уезжать, я так считаю! Может, если все недовольные разъедутся, то не придётся жить с кем попало!

Андрей подумал, что она либо не в себе, либо глуховата. Но скорее первое, потому что теперь её глаза горели злым, нездоровым блеском. Он хотел спросить, всё ли в порядке, но решил промолчать и докурить быстрее. Чувствовал на себе раздражённый взгляд хозяйки, но не желал оборачиваться.

– Чем это вы там занимались в комнате? – спросила она.

– Ничем. Просто курил, вспоминал.

– Что вспоминали?

– Москву.

– О-о. Никогда не была, – она усмехнулась, – даже вспомнить нечего.

– Не знаете, что там сейчас? – спросил он вдруг с внезапно загоревшейся надеждой.

– Откуда мне знать? Вы же оттуда.

– Ага. Вестей нет. Связи нет. Может, и города давно нет?

– Как это нет? Поезда же как приходили, так и приходят.

Он встрепенулся. Странно, что такая простая мысль не пришла к нему раньше. Повернув голову, он увидел, что хозяйка внимательно наблюдает за его реакцией. Вполне возможно, она фиксирует каждое его движение, а далеко за её шуплой фигурой, в темноте коридора, и гораздо глубже – в старых деревянных жилах дома, переплетениях его износившихся коммуникаций

и перегоронок – прячется тот, кому на самом деле интересно, как он поведёт себя. С большим трудом Андрей улыбнулся, потушил сигарету и пожелал женщине спокойного сна.

Спал он тревожно. Ему казалось, что хозяйка сидит под дверью и караулит, пойдёт он на платформу или нет. Неужели его мысли так легко разгадать? Однако даваться им так просто он не собирался. Андрей заставил себя спать, откладывая поход до завтра. «Ты всё выдумываешь, – говорил он себе, – ей плевать, и нет никого, кому она расскажет. Просто вздорная больная бабёнка, спи!»

Андрей проснулся неотдохнувший и достал из чемодана одну из немногих фотографий Лены, захваченных из Москвы. Если бы сказали, что здесь так долго не будет интернета, взял бы больше. Тут она в зимней шапочке: только лицо под огромным синим помпоном. Он разглядывал фотографию некоторое время, пытаясь определить, осталось ли прежнее чувство.

Уже одетый, в дверях он увидел старый стационарный телефон. Цифры Ленинского номера сами собой пронесли в голове, он скинул варежки, шапку и прильнул к трубке. «Проклятый идиот», – ругал он себя, пока тянулись гудки. Прошла добрая минута, но Лена не отвечала. Андрей нахмурился. Наконец что-то скрипнуло на том конце, он набрал в лёгкие воздух и замер, готовясь услышать её голос, но за скрипом ничего не последовало. Тишина квартиры соединилась с молчанием принимающей стороны.

Постояв в нерешительности пару минут, он набрал ещё раз, скрип повторился, как и последующая тишина. Третья попытка, четвёртая... Андрей почувствовал, что в ледящем безмолвии он не один: кто бы ни обрывал его вызов снова и снова и снова – это была осмысленная, человеческая фигура, и она знала, что это журналист Андрей Городков из газеты звонит Лене в Москву. Ужас ошпарил, когда он представил, как навлекает на неё взгляд машины, управляющей городком. Он медленно попятился от телефона и снова очутился у двери.

Андрей отправился на вокзал, во рту тлея сигарета. Было утро, до начала рабочего дня оставалось немного времени, город заметал снег, редкие фонари были беспомощны – тьма торжествовала.

Глава третья

На вокзале

Приблизившись и услышав шум поездов, Андрей начал идти медленнее: он сомневался, насколько его пребывание тут законно. Не было никаких запрещающих знаков, вокзал находился на отшибе, вдоль дороги были только гаражи и безнадежно мёртвые деревья. Городок казался крайней точкой любого путешествия.

По пути встретилось несколько машин и пара автобусов. Видимо, только что прибыл поезд, и людей везли расселяться по квартирам городка точно так же, как его недавно. Он добрёл до здания и заглянул внутрь: посреди зала ожидания топтались несколько полицейских и служащих железной дороги. На скамьях сидели люди с пожитками, кое-кто даже с домашними животными, хотя он точно помнил, как настойчиво повторяли не тащить никаких питомцев.

Андрей вошёл. Он чувствовал себя голым. Казалось, сейчас на него все обратят внимание, окружают, начнут расспрашивать. Но ничего не произошло. Один из полицейских в натянутом до ушей бушлате чуть повернулся в его сторону и осмотрел заплывшими от холода глазами. Андрей замер как статуя, но полицейский почти сразу отвернулся, продолжив переминаться с ноги на ногу.

Андрей прошёл здание насквозь. Все кассы были намертво заколочены досками, продажа билетов из Городка не производилась, о чём по залу ожидания висели объявления формата А4, помещённые в прозрачные файлы. Люди, сгрудившиеся на скамейках с чемоданами и тюками, в основном дремали. Он подступил к одним, но те оказались нерусскими и не захотели с ним разговаривать, сделав вид (или действительно), что не понимают его речи. С другими повезло больше, он услышал слово «пересадка».

– А куда дальше?

– Говорят, еще полдня езды, в другой городок. Тут уже негде расселять.

– А откуда вы?

– Питер.

– О, Питер! И как там?

– Всё спокойно было, когда уезжали.

– Тогда зачем эвакуировали? – удивился Андрей.

– За детей тревожно, – отозвалась замотанная в шарфы и пледы фигура, – сами бы не поехали.

– То есть там всё нормально?

– Ну да, более-менее, по-прежнему.

– А война? – не успокаивался Андрей. – Есть война?

– Всё как было: то ли есть, то ли нет, – уклончиво сказала фигура. – По телевизору – есть. На улице – особо нету. В интернете – есть, а в домах – всё спокойно. Как всегда, в общем.

– Как всегда... – повторил Андрей задумчиво.

Осмелев, он вышел на платформу. Натянутые на невидимых проводах, на ветру трепыхались фонари, пытаясь пробиться сквозь тьму и снег. Их свет едва доставал до бетонных плит, куда с поезда ступали люди. Шли они под наблюдением полицейских – точь-в-точь как и в тот вечер, когда прибыл Андрей. Тогда ему показалось, что их ведут через узкий коридор из сросшихся огромных фигур, вооружённых автоматами, но сейчас он увидел, что полиции довольно мало и никакого оружия, по крайней мере наготове, при них нет.

Андрей прошёл к центру платформы и встал посреди потока тёмных, нагруженных тюками, чемоданами и рюкзаками фигур. Ему казалось, что все проходящие мимо сгорблены

тяжёлой ношей. Люди шли в темноте и походили на призраков, прибывших из далёкой живой точки на станцию для пересадки, откуда продолжат дорогу в небытие.

Подойдя близко к ещё не остывшему поезду, Андрей на мгновение подумал прыгнуть внутрь и спрятаться где-нибудь на верхней полке. Но почти сразу он отверг эту идею и замер на краю, пропуская мимо вереницы людей: семьи, парочки, одиночек.

Через несколько минут поток стал иссякать: последние пассажиры сходили с поезда, затем стали выходить и проверявшие документы полицейские. Вывели из головного вагона семью: у них, судя по обрывкам разговора, было не всё в порядке с бумагами. Андрей вспомнил своих соседей по купе, и мокрый, прилипчивый страх ненадолго вернулся.

Он провёл руками по телу, будто проверяя, не навредило ли ему шествие людей-призраков, и хотя этому не было никаких подтверждений, он всё-таки нашёл себя живым. Страх отступил, и слабое любопытство подтолкнуло его вперед. Он подошёл к полицейским, окружившим трёх человек в штатском. Впрочем, одного отпустили через полминуты, и он тут же затерялся в ночи.

Остались двое: мужчина и женщина. В темноте было трудно рассмотреть, но Андрею показалось, что они примерно одного с ним возраста. Он сделал ещё пару шагов. Никто по-прежнему не останавливал его, никто не глядел в его сторону. Лишь приблизившись вплотную, Андрей привлёк к себе внимание полицейских.

– Вы что-то хотели? – строго, но вполне спокойно, даже вежливо спросила у него девушка в униформе.

– У этих людей проблема с документами?

– Представьтесь.

– Я Андрей Городков, журналист. Я бы хотел написать репортаж про прибытие новых поездов.

Девушка пришла в замешательство. Нижняя часть её лица была защищена от холода маской. Собственно, он видел только раскосые чёрные глаза, переносицу и часть лба. Несколько намертво замёрзших волосинок выбивались из-под ее шапки.

– Э-э, я должна спросить у руководства, – промямлила она. – А у вас точно есть право находиться здесь?

– Конечно, – не задумываясь сказал Андрей.

Девушка попятилась и отошла к большой группе полицейских поодаль. С задержанными людьми теперь осталось всего двое её коллег.

Андрей рассмотрел прибывших как следует. Пожалуй, они были даже моложе, чем он. Мужчина был примерно его роста, женщина – на голову ниже. Её вид выражал уверенность и нетерпение, она не выглядела запуганной или уставшей. Андрей предположил, что под толстым слоем одежды должна скрываться приятно плотная фигура.

Её спутник было гораздо худее и походил на типичного столичного интеллигента: точёный еврейский нос, круглые запотевшие очки, приоткрытый в недоумённой улыбке рот, модное лёгкое пальто и лакированные ботинки. Впрочем, когда их взгляды встретились, Андрей увидел, что незнакомец также совершенно не испуган, а скорее удивлён.

– Слышал, вы журналист? – сказал он первым.

Андрей не ожидал, что с ним заговорят. Полицейские покосились на него, их лица тоже были спрятаны за масками, глаза выражали невероятную усталость – видимо, они успели промёрзнуть тут до полусмерти.

– Да, я журналист.

– Погодите-ка, а вас не Андрей зовут?! – вдруг воскликнул мужчина. Полицейские без интереса переводили взгляды из стороны в сторону, но не вмешивались.

– Да, Андрей.

– А я Пётр! Пётр Фоков! Я коллега Елены, помнишь?!

Незнакомец так запросто бросил на морозный ветер имя Лены, что Андрея передёрнуло. Секунду спустя последний из сошедших с поезда штатских вошел в здание вокзала, над платформой погасли фонари. Теперь людей ничего не освещало, кроме струек света полицейских фонариков и огней поезда.

– Да, Петя, привет! Не признал вначале, – ответил Андрей, хотя пока не вспомнил его.

– Вы их знаете? – услышал он голос у себя за спиной. Это была девушка-полицейский. Она привела второго, старшего по званию.

– Да, – снова не задумываясь ответил Андрей. Он начал переминаться с ноги на ногу, постукивая правым валенком о левый и наоборот. Только его новоявленный знакомый и спутница стояли прямо, будто их не трогал холод.

– У них нет справки об эвакуации. Если вы за них поручитесь, их можно будет разместить в городе до установления личностей, – сказал полицейский.

– Да, конечно, почему бы нет, – с ходу сказал Андрей, чем вызвал возглас восторга у обоих.

Их проводили в здание вокзала, которое переполнилось теперь, когда все пассажиры последнего поезда зашли внутрь.

– Это просто несчастье! Пропал листок, хоть ты тресни! – торопливо объяснял Пётр, пока они пробирались через зал ожидания вслед за полицейскими. – Я им всю дорогу пытался сказать об этом, а они заладили: «До выяснения, до выяснения»... Сейчас вышли, и говорят: «Ну, где ваш листок, рассказывайте!» А я плечами жму: что тут рассказывать, провалился сквозь землю! Будто украл кто! Может, правда украли, как ты думаешь, Андрей?

– Думаю, всякое возможно.

– Слушай, ты бы человеку спасибо лучше сказал, чем всё это на него навешивать, – вмешалась женщина. Андрей теперь мог лучше рассмотреть её. Пожалуй, она была постарше, чем Пётр, у неё было округлое, немного осунувшееся лицо, большие губы, серые водянистые глаза и длинные чёрные ресницы. Казалось, она как раз достигла зенита молодости, ни от чего не зависящей красоты, после чего может в любой день начаться неминуемое движение вниз.

Оба начали горячо благодарить его. Хотя они только избежали опасности, в словах Петра уже слышались насмешка и ирония над ситуацией, а вот его спутница была совершенно серьёзна.

Их впустили в большое конторское помещение вокзала с высоченным сводчатым потолком и несколькими хрустальными люстрами. Впрочем, из них горела только одна, поэтому находящиеся в конторе люди сидели в сумерках.

На мониторах их компьютеров Андрей увидел графики и таблицы, напоминающие расписание, но прочитать что-либо не смог. Никто не проявил к вошедшим интереса. Клерки продолжали печатать что-то на многочисленных, мерно гудящих машинах, а полицейские, зевая, обступили батареи и принялись отогреваться, не снимая масок.

В центре помещения, прямо под люстрой, в клубке белого света, за широким столом сидел уставшего вида старик с огромной амбарной книгой. Он был единственным, кто не глядел в монитор, а что-то записывал от руки. Полицейский склонился к старику и негромко забормотал ему на ухо. Тот поднял уставшие глаза на троицу москвичей и сказал:

– Поручаетесь?

В другой ситуации Андрей, пожалуй, спросил бы, что именно подразумевает его поручительство, какие обязательства он на себя берёт и всё в таком духе, но сейчас он не почувствовал ничего, кроме усталости, и с ходу ответил:

– Да.

Ему показалось, что на мгновение все присутствующие перестали колотить по клавиатурам, а впологлаза покосились на него, но через секунду стук возобновился. Старик переписал

информацию из его паспорта в книгу, затем попросил Андрея расписаться, и через пару минут он был свободен.

Дождаясь своих новоявленных знакомых, он опять курил «Северные» и думал, кто этот Петя и откуда они знакомы. Кажется, был какой-то скандал, где-то далеко и миллион лет назад, но тяжёлая головная боль заволакивала его взгляд каждый раз, когда он пытался вернуться к тем событиям. Тем более раз что-то внутри противилось вспоминать, то наверняка дело касалось давно минувших дней и больше не имело значения.

Минут через пятнадцать появились Пётр со спутницей. Теперь их лица тоже были спрятаны под шарфами, и они больше походили на местных, чем до этого.

– Кстати, позволь представить, это Олеся, моя жена! Вы же не знакомы, да? Мы поженились намного позже того события, – Петр доверительно моргнул, как будто намекая, что о событии Олеся знать не обязательно. И Андрей, пожимая ей руку, тоже моргнул, хотя не помнил ни события, ни, собственно, Петра, но соглашался играть в игру.

Глава четвёртая

Выставка современного искусства

Утром в понедельник Андрея вызвали к редактору. Он с трудом заставил себя идти. Все выходные он плохо спал и ничего не делал, только курил «Северные», а когда они кончались – выходил на улицу и покупал новую пачку. Выходить довелось трижды: утром и вечером субботы и утром воскресенья, и все разы город был укрыт плотной полярной ночью. Он знал, что где-то в полдень далеко на юго-востоке, меж заводских труб, круглосуточно выбрасывавших потоки серого дыма, пробивается солнце, подсвечивает дно облаков, крыши домов, серебрит окна, тускло отражается в поверхностях машин. Но уже через пару часов снова наступают сумерки, и затем стремительно падает темнота.

Свои «Северные» он курил прямо в комнате, игнорируя истошный хозяйкин стук. Он вдруг осознал, что ни один поезд не уходит из городка обратно в Москву с пассажирами, а значит, шансов, что его выселят, не так много, и просто перестал её слышать, позволяя едкому дыму пропитывать одежду, бельё и книги на полках.

Сейчас, когда он отправился к редактору, то приснул на себя одеколоном, потому что въедливый запах забился глубоко в одежду и воскресное проветривание (весь вечер он запрещал себе курить) уже не выручало.

Кабинет редактора заполнился книгами и журналами, на столе появилось два монитора, окна занавесили чёрной шторкой, так что никакие следы короткого зимнего дня больше не могли проникнуть сюда. Редактор сменил костюм, но остался верен коричневым тонам. Он снял очки и поглядел на гостя раздражённо. Андрею чудилось, что он может заклевать его в любую секунду. Он покорно остановился в дверях.

– Присядьте.

Андрей присел и опустил глаза на стол.

– Как продвигается работа?

– Я только начал.

– Вот как? Во сколько вы приходите на службу?

– В девять утра.

– Мне кажется, если ваш рабочий день начинается в девять утра, то приходить надо хотя бы в восемь тридцать, не так ли?

– Да, вы правы, – автоматически согласился Андрей. Он не помнил, когда именно решил соглашаться со всем, что говорит редактор.

– Вам, похоже, не слишком нравится наша газета, – заметил редактор.

– Я прошу прощения, но я до сих пор не знаю, как могу к вам обращаться.

– А что, вы с коллегами не обсудили мое назначение? – удивился редактор.

– Я не общаюсь с коллегами.

– Почему?

– Не нужно, – простодушно признался Андрей и угадал, что редактору это понравилось. Тот усмехнулся.

– Понимаю такой подход, хотя я бы ожидал от журналиста, что его больше будет интересовать происходящее вокруг.

– Я сдаю тексты для трёх коротеньких колонок по триста слов каждая, – сказал Андрей, – для этого объёма не обязательно сильно интересоваться делами коллег.

– Что верно, то верно. Меня зовут Сергей Владимирович. Вам, может быть, любопытно узнать, что я назначен сюда временно и в скором времени у вас будет настоящий редактор?

– А вы, стало быть, ненастоящий?

– Моя специальность – это настроение людей, – неожиданно сообщил Сергей Владимирович. – Мне было поручено выяснить, в каком состоянии находится редакция и как долго может функционировать. Проведя проверку и ряд бесед, я обнаружил, что прошлый редактор не исполнял свои обязанности должным образом. Поэтому я её отстранил. Сейчас я смотрю, как работают сотрудники газеты, чтобы понять, не нуждаемся ли мы в других перестановках.

– А, то есть грядут увольнения, – безразлично подытожил Андрей.

– Возможно.

– Ясно.

В кабинете повисла тишина. Андрей всё так же не поднимал глаз.

– Вас действительно это не беспокоит или вы слишком подавлены? – поинтересовался редактор.

– Подавлен? Нет, я в порядке.

– Вы пахнете куревом, а прежде, кажется, не курили.

– Я курил... пару лет назад.

– И зачем начали снова?

– Чтобы занять себя в промежутках пустоты.

– Долго длятся эти промежутки?

– Всё время, что я не занят газетой.

– А разве ваши новые друзья не заполняют часть этой пустоты?

Андрей вздрогнул и посмотрел на него. Оказывается, на носу у редактора снова были очки, и он глядел заострившимся любопытным взглядом хищной птицы.

– Может быть, – неопределённо сказал Андрей, – но мы не так уж близки. Я не общался с ними с того вечера, как они прибыли.

– Очень опрометчиво. Ведь вы взяли на себя поручительство за них. Ответственность.

– Не знал, что вам это известно.

– Настроение, – вкрадчиво, почти ласково повторил редактор, – не забыли? Я специалист по настроениям. Я бы хотел, чтобы и мои подчинённые, и все жители городка, особенно временные, были в хорошем настроении. С вами у меня, кажется, происходит какая-то беда.

– Беды нет, – поспешно заверил его Андрей.

– Тогда вам стоит быть повеселее. И присматривать за своими друзьями. Все мы здесь понемногу присматриваем за вновь прибывшими. И вы не исключение. Это стандартная взаимопомощь между горожанами, понимаете?

– Кажется, понял.

– Надеюсь на это. Если вы поняли, то я напишу в своих отчётах, что с вами можно продолжать работать, и новый редактор оставит вас на вашем месте. Это не так плохо, учитывая, что в городе всего одна газета.

– Это чудесно, – ответил Андрей.

Они некоторое время молчали, и он задавался вопросом, надо ли что-то рассказывать о том, что он увидит, «присматривая» за вновь прибывшими? Следует ли говорить о каждом их шаге или только о чём-нибудь подозрительном? Или, наоборот, это проверка его молчаливости?..

– У вас остаются вопросы?

– Пожалуй, нет.

– Хорошего вам дня, Андрей. Не забудьте прислать материалы для номера в срок.

Андрей не помнил, как оказался на своем месте. Короткий переход по коридору вывалился из памяти, и через пару часов, прокручивая разговор с редактором, он начинал сомневаться, наяву ли это происходило. Тем не менее он решил не навлекать на себя недовольство шефа и вечером позвонил в справочную. Выяснив номер телефона Петра, он тут же набрал и предложил встретиться.

– Как здорово, что ты объявился! Мы уже нервничали! – воскликнул тот.

Связь была довольно скверной. Все пользовались городскими стационарными аппаратами. Казалось, звук целую вечность проходит по проводам под давлением тонн снега.

– Что у вас тут интересного в городе? Ты вроде как уже местный! – сказал Пётр.

– Ничего не знаю. Давайте просто встретимся на площади и погуляем.

– Холодно гулять, – резонно заметил Пётр. – Я видел объявление, у вас открылась выставка современного искусства в музее. Как насчёт этого? Немного ярких красок посреди зимы не повредит!

Андрей согласился. Сразу после работы он купил «Северных» и встретил своих знакомых у здания музея.

– Ужас, какая холодрыга, – сказал Пётр, – ты уже привык?

– Ага.

Они разделись в слабо освещённом гардеробе и купили билеты на выставку. Было написано, что она приехала из Москвы.

– Получается, ехала примерно в одно время с нами, а открылась только сегодня, – заметила Олеся.

– Да уж, никогда бы не подумал, что уеду из Москвы в чёртов городок, чтобы смотреть на московскую выставку, – рассмеялся Пётр.

Выставка занимала семь залов, они осмотрели ее довольно быстро. Андрей шёл позади своих знакомых и пытался определить, каково их настроение, чтобы доложить редактору и чтобы тот отвязался от него и оставил на работе. В любом случае он собирался сообщить, что настрой у них отличный и всё в порядке.

Тем временем парочка весело болтала, обменивалась впечатлениями, читала пояснения возле картин и особо не обращала на него внимания. Андрея это вполне устраивало. Сам он не видел никакого смысла в картинах, тем более основная их часть была совершенно бессюжетной.

– Ты знаешь, что Олеся тоже художник? – спросил Пётр, когда они очутились в последнем зале.

– Ну что за глупости ты говоришь! Конечно, он не знает. – Олеся покраснела, поправила волосы, на мгновение отвела взгляд с полуулыбкой. Андрей слабо усмехнулся. – Не обращай внимания, – сказала она, – я просто рисую для себя и друзей.

Андрей подумал, что она только изображает стеснение и на самом деле гордится своим увлечением.

– Вы тоже рисуете нечто подобное? – спросил он.

– Почему это ты на «вы»? Давай-ка общаться по-товарищески!

– Хорошо. Ты тоже рисуешь вот это? – Андрей показал на ближайшую картину. На его взгляд, она была не имеющим смысла смешением бледных сине-голубых красок на болезненно-сером фоне. Называлась она «Зима».

– Мне нравится современное искусство, – призналась Олеся, улыбнувшись, – но нет, я обычно занимаюсь другим творчеством. Мне, например, близок символизм начала двадцатого века.

Пётр почему-то усмехнулся и отошёл к другой картине. Они последовали было за ним, но, сделав пару шагов, остановились.

– Я тебе как-нибудь покажу, над чем сейчас работаю. Это было единственное, что они мне разрешили забрать с собой.

– А что, были какие-то ограничения?

– Оказывается, они не хотели, чтобы мы забирали с собой слишком много. Декор был ограничен одним предметом. Мне пришлось раздаривать все свои работы накануне отъезда.

– Не знал о таком, – признался Андрей.

– А ты много знаешь о городке вообще?

– Особо ничего не знаю. Меня просто привезли сюда, дали комнату и работу. И все вокруг говорят, что мы скоро вернёмся в Москву.

– Вот как? Ну, судя по количеству людей, которых вывозят, не так скоро. – Улыбка пропала с её лица, теперь она говорила даже немного ожесточённо. Казалось, ей причиняет боль этот разговор. – Ведь нас везли не сюда, – вполголоса проговорила она, – а в другое место. Здесь, говорят, уже некуда подселять, и людей везут дальше на север, уже чуть ли не к океану. И конца этому не видно. Они, по-моему, хотят вывезти пол-Москвы, а может, и всю, – она перешла на шёпот. – Ты не представляешь, как это страшно выглядит там! Пустые улицы, пустые дома... Зачем они это делают? Ведь войны нет. По крайней мере, если верить телевизору. Зато куча денег тратится на то, чтобы развеять народ по этим снежным пустыням...

Он невольно поежился, вспоминая о Лене. Она ни за что не хотела уезжать, клялась, что останется любой ценой. Что, если прямо сейчас они насильно выкорчёвывают её из привычной жизни, заставляют выбросить любимые вещи, картины и мчаться на вокзал, пугая бряцающей на пороге столицы «угрозой»? Андрей на мгновение отчетливо увидел её искажённое болью и обидой лицо.

– Эй, вы как? – Пётр коснулся его плеча. – Что, Леська всё за свое? Конспирология?

Андрей не смог сразу ответить, просто покачал головой, пытаясь выдавить из себя улыбку. Олеся спокойно ответила вместо него:

– Просто делимся мыслями об этой эвакуации. Повезло нам, что оказались в одном и том же месте. Хотя какие-то знакомые. Представляю, как тебе было странно тут одному в первые дни.

Андрей благодарно посмотрел на неё, и она кивнула ему так, словно между ними установилось некое тайное ото всех понимание.

Они стояли перед огромной сферой, выложенной из кусочков зеркала. Автор использовал неоднородные осколки, взятые, видимо, из разных источников; поверхность из-за этого была неровной, узкие полоски ржавого металла разъединяли массивный овал на части. Сфера отражала лица и предметы с сильным искажением: одна сторона увеличивала, другая уменьшала, третья уродовала и так далее. Тем не менее даже в них можно было угадать себя. Пётр с женой отошли в сторону, а Андрей застыл перед экспонатом, который был им же самим. Он подумал, что больше доверяет этому рассечённому на десятки чешуек образу, чем собственному тускнеющему представлению о себе. Человек, приехавший сюда вместо него настоящего, больше походил на кучу осколков: они умеют выполнять все прежние функции, но перестали быть соединены какой-либо целью.

Он провёл рукой вправо, потом влево: сфера ответила движением зеркал-чешуек. Он попытался вспомнить, каким последним проектом занимался для журнала. Оказывается, прошло уже не несколько недель, а месяца три или четыре. Было лето, жара. Они носились по городу взмыленные, в машине сломался кондиционер... Это касалось фармацевтической мафии: несколько фирм сговорились и разом подняли цены на ряд лекарств и их аналоги – подобное сплошь и рядом происходило в той прошлой жизни, но никто не обращал внимания, потому что люди, имевшие вес в этом обществе, обычно были здоровыми и сильными, а больные и слабые никого не интересовали, их голос не пробивался через бюрократию и коррупцию.

Андрей замер, замерли и чешуйки отражений. Казалось, вокруг стало темнее. Он оглянулся и увидел, что ни его друзей, ни других посетителей в зале нет. В углу только безмолвно стоял смотритель. Он походил на птицу – длинношеюю озёрную утку, насторожённую близким присутствием человека. Он стоял к Андрею вполоборота и, кажется, глядел на него боковым зрением, немигающим чёрным глазом. «Почему все они в этом чёртовом городке походят на птиц?!» – подумал Андрей.

Смотритель зашагал вдоль стены, и его походка тоже напомнила птичью: он шёл медленно, чуть отбрасывая ноги, его седая голова качалась вперёд-назад, а чёрный стеклянный глаз впился в Андрея. Дойдя до конца стены, он щёлкнул выключателем, и верхний свет в зале потух. Теперь действительно стемнело. Подсвеченными остались лишь экспонаты. По остальным залам прокатилась волна таких же щелчков, и тьма распространилась по музею. Однако по-прежнему никто ничего не говорил. Подождав ещё немного, Андрей отвернулся к единственному экспонату, который его тронул.

Так что там было в этом расследовании?.. Они ездили из одного конца города в другой: на склады продукции, по аптекам и домам престарелых – и говорили с самыми слабыми и незащищёнными. Они написали отличный, громкий, кричащий материал, от которого в любом другом мегаполисе мира не посмели бы отмахнуться. Но на следующий день после выхода номера Москва проснулась неизменно спокойной и равнодушной, и никакой политической или социальной реакции не последовало.

Он припомнил лица выпускающего редактора и девочки-студентки, помогавшей собирать материал. На этих лицах были только смертельная усталость и равнодушие – две отличительные черты москвича. Они уже тогда знали, не сговариваясь, что всем будет всё равно. Ничего не изменится, но они получают зарплату, а журнал – колонку и инвестиции. Движение колеса, таким образом, будет продолжено, хотя больше всего на свете ему необходимы остановка, смазка, отдых...

Андрей попытался почувствовать то же, что он ощущал после выхода его последнего материала (хотя тогда он ещё не знал точно, будет ли этот материал последним): волнение, страх, надежду на изменения?..

До закрытия музея было ещё полчаса, его до сих пор никто не поторапливал. Но он был последним, кто покинул здание. Пётр с женой вышли из музейного ресторанчика и вопросительно взглянули на него.

– Засмотрелся.

– А ты тоже любитель? – спросил Петя. – Олеся во всех поездках тащит меня на современное искусство, и я каждый раз спрашиваю: «Чем оно тебе так нравится?»

– А я отвечаю: нравится тем, что я могу додумать каждую деталь. Могу додумать название или, наоборот, обойтись без названия и всё равно прекрасно представить и понять, что изображено. А ты, Андрей?

– Мне понравился один экспонат. Мы стояли там перед тем, как вы ушли. Сфера с зеркалами.

– Да, интересно, – безразлично сказал Пётр.

– Давайте чаще видеться, – предложила Олеся.

Андрей кивнул.

– Вы живёте на Юбилейном?

– Да, нас поселили с ещё одной семьёй... Они нас ненавидят, мы только приходим туда спать. Там двое детей и муж с женой. Не могу их винить, – Олеся покачала головой, – но надеюсь, это скоро прекратится. У меня места в шкафу было, кажется, больше, чем там в нашей «половине». Да слушай, это даже не половина!

Андрей подумал, что ему ещё повезло с его камеркой. На мгновение в нём проснулся порыв предложить им подселиться к нему. Но потом он одумался и закурил свои «Северные», чтобы заполнить чем-нибудь наступившее молчание.

– Знаешь, я бы у тебя одолжил, если ты не против, – вдруг сказал Пётр.

– И я. Ты не обидишься?

– Нет-нет, берите, разумеется. Тут совсем не на что тратить. Будем тратить на них, – Андрей усмехнулся.

Когда его знакомые сделали по первой затяжке, поднялся ветер, и снег начал замечать их фигуры.

Глава пятая

Первый донос, первая женщина, первое письмо

Оказавшись на кровати, Андрей снова закурил. Он уставился в черноту потолка и ни о чём не думал. Он знал, что надо выкурить две-три, и сон придёт сам. Условная «ночь», которая разделяла его рабочие дни в газете, проносилась быстро. Но в этот раз его засыпание прервал стук. Вздвогнув, он чуть не выронил на пол дымящийся окурок и сел на краю постели. Стук повторился. Это отличалось от того, как обычно стучала хозяйка. Она колотила злобно, долго, и он прекрасно засыпал под её шипящие ругательства. Сейчас стучали вкрадчиво, вежливо.

Из любопытства он отворил дверь. Перед ним стояла совсем молодая девушка. Она подавалась чуть назад, темнота скрыла её фигуру, и он видел только её большие, широко раскрытые глаза – тоже чёрные, как и у всех, кого он тут встречал. Андрей вздохнул и подумал: может, от холода и из его глаз вытекла вся синева, и теперь они так же почернели, сделав его одним из горожан?..

– Вы что-то хотели?

– Мама просила вас не курить, – сказала девушка робко.

– Мама?.. А-а, хозяйка. Хорошо, скажи ей, что это всё. Я уже сплю.

Он хотел закрыть дверь, но почему-то остановился. Что-то странное было в её безотрывном взгляде. В последнюю ночь Лена так же смотрела на него: долгим, «протяжным» взглядом, говорящим больше, чем слова.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Стелла.

– Какое необычное имя.

– Это мама придумала.

– Ясно. А где папа?

Девушка пожала плечами.

– А я Андрей. Не знаю, кто придумал.

– Хорошо. Спокойной ночи. Не курите, пожалуйста.

Она отвернулась и пропала в темноте. Почудилось, что в последний миг, за секунду до того, как девушку поглотила коридорная темнота, он заметил её улыбку. Андрей сделал шаг и пошарил руками. Слепая глупая фантазия, что он нащупает её тело и обхватит его, поселила в его висках приятный голодный жар. Страсть возвращалась к нему постепенно – через долгие световые года памяти, но такие вещи, оказалось, легче вспоминаются, чем работа или коллеги.

Однако её не было, Андрей вернулся в комнату ни с чем. Просидев недолго на краю постели, он почувствовал жажду и отправился на кухню. Он пил холодную, отдающую металлом воду из-под крана, пока тело не остыло настолько, чтобы вернуться в комнату. Оказывается, он чертовски соскучился по обычной живой женщине. Андрей с трудом уснул. Вместо курева всю ночь и всё утро ему нестерпимо хотелось пить.

На работе, уже незадолго до обеда, он получил приглашение редактора зайти. Был час дня, как раз то время, когда над городком пробивался ломкий день. Впрочем, в редакторском кабинете, как и накануне, царили плотные сумерки.

Редактор выдавил из себя улыбку и вкрадчивым голосом пригласил присесть, попросил поделиться соображениями.

– Соображениями?

– Ну, вы же ходили на выставку, – почти ласково подсказал редактор. – Общались с друзьями, разве нет?

– Вы что, преследуете меня?

– Нет, но вот незадача: я вчера тоже был в музее. Очень понравился Костромской – на мой взгляд, лучший российский модернист сейчас, хоть и живёт зачем-то в Бельгии, а вам?

Андрей с недоверием посмотрел на редактора: неужто он действительно хочет услышать его соображения об искусстве?

– Ну, там был один экспонат: зеркальная сфера, по мне, так очень талантливо, много смыслов одновременно можно найти...

– Остроумно. А по теме?

– По теме?

– Что с нашими гостями? – холодно спросил редактор, давая понять, что время прелюдий окончено.

Андрей потерял дар речи и вжался в стул. Почувствовал сухость во рту и следом за ней тошноту. Ощутил себя участником одной из тех сценок, где дети выходят, чтобы прочесть перед классом стишок или сыграть в спектакле, и вдруг забывают текст. Сейчас два выхода: сбежать или импровизировать. Подумав, что маленькая ложь навредить никому не сможет, Андрей подключил всё своё воображение и стал пересказывать несуществовавший разговор с Петей и Олесей.

Он говорил и видел, что редактор чувствует его возбуждённо-отчаянное состояние. По остекленевшему взгляду Сергея Владимировича трудно было понять, нравится ли ему услышанное. Когда Андрей кончил свой рассказ, то почувствовал на висках капли пота. Смахнул их дрожащей от возбуждения рукой и виновато опустил взгляд, впившись потными ладонями себе в колени. В тишине они провели пару минут, редактор продолжал цепко следить за каждым его движением, будто ждал продолжения.

– И что же, всё? – с удивлением спросил он.

– Да, всё.

– Интересная история... – Редактор откинулся в кресле, свёл пальцы в замок и широко улыбнулся. Теперь он словно насытился и переваривал. Андрей молчал. «Что тут интересного?» – подумал он, но начал верить, что его историю купили.

– Получается, этот Пётр спит и видит, как бы вернуться в Москву, и вся эта идея с эвакуацией ему не нравится, так?

– Да.

– А жена его не против остаться, так?

– Ну да.

– Странновато... Вы сами женаты?

– Нет, – Андрей понял, что его могут раскусить, но почему-то уже не испугался. Весь страх вышел из него вместе с доносом.

– И как вы думаете, что привело их к такому разладу?

– У них нет разлада. Просто ему меньше нравятся эвакуация и городок, а ей тут нормально.

– Это я услышал. Я просто пытаюсь понять, как так вышло, что члены семьи так по-разному относятся к одним и тем же обстоятельствам. Ведь, в конце концов, их никто не принуждал приехать.

– Я слышал, сейчас с этим строже и многих вывозят чуть ли не насильно...

– Нет, вы слышали неправильно, – редактор перестал улыбаться. – Значит, так. Мне saddётся, вы с чего-то взяли, что я жду доносов на ваших соседей и друзей любой ценой. Наверное, вы думаете, будто я какой-то жандарм. Вы понимаете, что от ваших рассказов судьба этих людей может измениться, а может и не измениться, и не нам с вами это решать?

Андрей кивнул.

– Тогда, я думаю, вам стоит быть осторожнее со словами. Они могут иметь последствия.

– Я всегда хотел, чтобы мои слова имели последствия, – сказал Андрей и почувствовал, что это говорит старый, оставленный на московском вокзале Андрей. – Для этого я и стал тем, кто я есть. С собой.

– Ясно...

– И кстати, это не работало там. Не было никакой разницы от того, о чём и как мы писали. Ничего не менялось. Всем было наплевать. Я просто надеялся, что наш городок – это другое место.

– Оно может стать таким, – задумчиво согласился редактор, – лучшим.

Андрей удивлённо прислушался к собственному голосу: звонкий, уверенный, не пасующий, – такого себя он бы захотел вызволить из плена прошлого.

– Тем не менее я бы предпочёл, чтобы вы приносили мне правду, – сухо сказал редактор. – А за ней надо охотиться дольше, чем один вечер. Хорошо, Андрей?

– Хорошо.

Он вернулся на свое место. Мерзкое чувство стыда пронизало его от макушки до копчика, пропитало горьким, жгучим разочарованием, он хотел вымарать, стереть последние сутки из памяти, особенно ту часть, что провёл у редактора. Оставшиеся два текста дались с особенным трудом.

Когда наступили выходные, Андрей отправился на прогулку. Он шёл по городку и собирал урожай давно скопившейся ненависти к этому месту. Он представлял себе, как улица за улицей, дом за домом – всё здесь погружается в огонь. Когда он слышал слово «угроза» – эфемерное, размазанное по волнам бесконечно лившихся из всех экранов новостей – то почему-то представлял именно пламя. Оно надвигалось со всех сторон: столпы огня тянулись с вражеской суши, из-под обманчиво мирных морских глубин и даже из космоса.

И теперь он хотел бы сам нести пламя, раздувать его, но их всех согнали сюда, на север, под бесконечную полярную ночь, чтобы они ничего не смогли совершить! Ничего значимого! И здесь они пропадут в неизвестности, затянутые в небытие собственной слабостью. От бессилия Андрей схватился за голову, встав прямо посреди улицы, и попытался удержать разбежавшиеся во все стороны мысли.

Он почувствовал лёгкое прикосновение и обернулся. Это была хозяйская дочь. Она смотрела на него с удивлением.

– Стелла, да? – сказал он.

Девушка кивнула. Андрей был рад её видеть. Улицы и дома скоро потухнут, снова воцарится тишина, а вялые сумерки начнут разъедать свет.

– Что ты тут делаешь?

– Иду за продуктами. Увидела, как вы за голову схватились. Надеюсь, вы в порядке?

Андрей не сразу осознал, что вопрос подразумевает его здоровье, и промолчал. Не дождавшись его реакции, девушка продолжила:

– Вы что-нибудь едите? Или только курите вместо еды?

При слабом полуденном свете городка её лицо и голос казались другими. Он увидел, что на свету её глаза тёмно-серые, немного безжизненные. Они куда больше подходили вечно дремлющему вялому городку, заваленному снегом, чем чернота.

– Я ем, – ответил он. – Пойти с тобой?

– Как хотите.

Она пожала плечами и зашагала дальше. Постояв немного на месте, Андрей поплёлся следом. Действительно, давненько он ничего себе не покупал.

Улицы были совершенно пустынные. В магазине он взял «Северные» и шоколадный батончик. Стелла долго и вдумчиво выбирала крупы, хлеб, поэтому он вышел на мороз и закурил. Шоколад быстро замёрз и давался с трудом. Он казался Андрею безвкусным, и, когда Стелла наконец появилась, он предложил:

- Давай зайдём в кафе, я что-то проголодался по-настоящему.
- У меня денег нет, – весело ответила девушка.
- Это ничего – у меня, похоже, полно. Я угощаю.

Действительно, Андрей нашёл у себя солидную пачку купюр: столько денег в городке было сложно потратить даже за неделю. Они пришли в пустое кафе и заказали завтрак.

- Стелла, расскажи что-нибудь о себе.

– Что?

- Что-нибудь необычное.

– Ну, иногда мне кажется, что я в театральной пьесе, – немного подумав, сообщила Стелла.

- В смысле?

– Что я играю роль, а большинство людей вокруг – это такая массовка, просто большая толпа, из которой один-два человека должны что-то выкрикнуть, другой должен принести блюдо, а третий – опустить занавес, когда я умру.

- А почему ты думаешь, что умрёшь?

- Потому что мы явно в драме, – со смехом ответила она и отвернулась к окну.

Андрей смотрел на изгиб её шеи и понимал, что уже не может вызвать в памяти образ Лены. Она превращалась в ничего не значащее, пустое имя, а Стелла, юная и непонятная, явно чужая сказка, была реальностью.

Появилась официантка, молча поставила перед ними поднос, разложила блюда и ушла. На её лице не проявилось недовольства или неприветливости, однако она исполнила ритуал, не проронив ни слова, ни разу не взглянув на посетителей. Действительно, сыграла роль и удалилась в закулисы.

– Было бы слишком прекрасно, если бы люди в самом деле были актёрами и если б были зрители, перед которыми разыгрывается всё это, – сказал Андрей.

Стелла с аппетитом ела, поглядывая на него с детской непосредственностью. Впрочем, он продолжал чувствовать что-то ненастоящее и всё готовился, что разговор и это чуть осязаемое прикосновение под столом окажутся миражом посреди полуденной белой пустоты. В тепле её щеки зардели ярко. Андрей почти отогнал от себя чувство отвращения к самому себе. Она ела блинчики, её взгляд светлел, становился неподвижным от простого счастья сытости.

– Нам бы очень повезло, – продолжал Андрей, – если бы всё заканчивалось аплодисментами или свистом. Если бы мы сами имели право иногда поменяться местами с теми, кто смотрит, сесть в зал, понаблюдать... Но, к сожалению, опыт показывает, что жизнь – это чертовски нетеатральная вещь, что никому нет дела до того, как ты её проживаешь, что никто давно не играет, а все искренне верят в тот бред, который несут!

– А вы опытный, да? – невпопад спросила девушка, и он невольно рассмеялся, осознав, что она не слишком следует за его рассуждениями.

– Ты разбудила во мне аппетит, – признался он и начал есть. Ему показалось, что прежде чем опустить лицо к тарелке, она в последний раз исподлобья взглянула на него и подмигнула.

Потом они вернулись в квартиру, и он схватил её – так, как хотел в ту ночь. Просто не дал ей уйти, обхватив сзади за талию, притянув к себе рваными порывистыми движениями. Она дёрнулась было, но он понял, что она никуда не уйдёт, потому что не услышал ни звука с её стороны. Проведя по её спине ладонью, он медленно поцеловал её шею, одновременно прислушиваясь к остальной квартире, пробуя угадать, есть ли ещё «зрители» на этой сцене.

Однако звенела тишина, молчали даже электроприборы – в квартире отключили свет. Тем лучше: короткий полярный день закончился, и сумерки густели, как и внезапная страсть. Поцелуй был долгим, чёрным, он перенёс их в каморку.

Потом всё воскресенье он провёл в комнате – в ожидании Стеллы. У него были «Северные», немного шоколада и пара бутылок вина. Он вслушивался в шаги в коридоре и гадал,

почему раньше не различал шагов хозяйки и её дочки. Действительно, несколько месяцев он прожил, убеждённый, что за стенкой – всего одна женщина. Ему показалось это невероятно смешным.

Весь день к нему никто не стучался. Андрей закрывал глаза и представлял маленькие босые ножки, перебирающие по холодному полу, чтобы прокрасться к нему и юркнуть под бок, под его мускулистую спокойную руку. Но всякий раз, когда он просыпался от полудрёмы, на уготованном ей кусочке постели продолжала зиять пустота.

В полночь он наконец открыл дверь и прошёл в коридор. Из-под двери в хозяйскую комнату пробивался свет, шумело радио. Ему казалось, что хозяйка всегда спит в это время. Он толкнул дверь, нагло шагнул внутрь. До него только сейчас дошло, что на нём лишь штаны, но отступить было поздно. Хозяйка удивлённо уставилась на незваного гостя из своего кресла. Раньше он тут никогда не был.

– Откуда у вас телевизор? – удивился Андрей.

– А что? Какое ваше дело? Выйдите вон! – воскликнула она. – Что за неуважение! Это моя комната!..

– Стоп-стоп, я выйду, – устало перебил он, – просто скажите: у вас раньше тоже был телевизор? Всё это время?

– Был, конечно, – с явным неудовольствием ответила хозяйка.

Она поднялась и начала оттеснять его в коридор. Её слабые ручки упёрлись в его молодое здоровое тело и никак не могли сдвинуть. Но Андрей, обедев комнату взглядом, понял, что Стеллы тут нет, и поэтому пятился сам.

– Телевизор запрещали почему-то смотреть, – нехотя объясняла хозяйка, – но недавно сигнал появился. Слава богу, хоть ток-шоу можно посмотреть. Фу! Как же воняет вашим куревом! – решительным толчком она наконец выставила его в коридор. – Когда же вас погонят обратно в вашу Москву, чтобы вы там себе прокуривали обои?! Гадость!

Она хлопнула дверью. Телевизор сразу стих, но свет продолжал гореть. Дурочка, видимо, подумала, что его заинтересовал ящик.

Андрей покрутился ещё некоторое время в темноте, махнул рукой и улёгся спать. Проснулся он в более привычном, ничего не ожидающем состоянии духа и отправился на работу. Один из коллег, чьего имени он не помнил, сказал, что в кабинете редактора опять что-то происходит. Андрей отправился туда и увидел, что из кабинета выносят книги и папки, стены и шкафы стремительно пустеют. Сергея Владимировича нигде видно не было, и он отправился к себе в закуток, чтобы заняться первой колонкой.

На столе ждал конверт. Андрей с удивлением поднял его и едва удержался на ногах, когда прочитал обратный адрес. Это было письмо от Лены из Москвы. Конверт был самый обыкновенный: немного помятый (судя по штемпелям, он находился в пути чуть больше двух недель), с изображением каких-то незамысловатых зимних птичек. Адрес был указан её аккуратным почерком: Городок, редакция газеты «Городничий», Андрею Городкову.

Андрей сел за стол и уставился на него, как на какое-то чудо. Он понял, что уже почти перестал верить в реальность жизни там, в своём прошлом, и начал примиряться с тем, что оно будет изредка возвращаться только в серых воспоминаниях. Впрочем, постепенно и они сотрутся до состояния мифа... И вот – она написала. Живое доказательство того, что прошлое существует и что он не прибыл сюда из ниоткуда.

Андрей аккуратно разрезал конверт и извлёк письмо. Он не сразу решился читать. Что-то слепило, будто бумага была слишком яркой или буквы слишком мелкими. Он с минуту прилаживался, беря письмо то так, то эдак, прежде чем заскользить по строчкам.

«Дорогой Андрей, я не знаю, как теперь к тебе обращаться, но пусть будет “дорогой”. Не сочти за официоз. Ты мне родной и по-настоящему дорогой человек! Я буду писать, наверное, путано, потому что сразу пишу это набело, чтобы отправить поскорее.

Я такая дура: оказывается, мы с самого начала могли вам писать, а вы нам нет, поэтому я и ждала, что ты первый напишешь, и очень удивлялась, что это от тебя ни строчки, пока соседка, у которой брат тоже эвакуирован, не сказала, что она уже пять писем ему отправила, и все пять доставились (ей пришли какие-то об этом квитки, я тоже сейчас заполню квиток).

Я так давно не писала от руки, что уже немного устала. Так странно, что можно вам писать, а ответ пока ждать не приходится. Получается, бессмысленно спрашивать, как ты там и что ты делаешь? Я позвонила в справочную, там сказали, что работаешь в газете, как тебе и обещали. Надеюсь, это так. Я начинаю немного сомневаться в том, что они пишут и говорят о городке правду. Честно говоря, я рассчитываю, что ты рано или поздно найдёшь способ как-нибудь дать знать о том, что там творится на самом деле, или, по крайней мере, они рано или поздно должны разрешить вам общение с внешним миром.

Ты всегда болел за правду и за то, чтобы можно было дать её людям, даже если никому особо до неё не было дела. Помнишь, я тебе говорила миллион раз, что это только кажется, что им нет дела, а на самом деле они просто боятся поднять голову, чтобы не привлечь внимания? Я и теперь так считаю, хотя, кажется, всех уже вывезли, для кого ты писал. Я остаюсь тут почти последняя: уехали все наши из редакции, половина моих однокурсников, многие друзья... Тебе не кажется, что в двадцать первом веке создавать закрытые городки – это даже странно? Они говорят, что это ради вашей там безопасности, но мы не сильно этому верим. Кто «мы»? – вот с этой сестрой другого эвакуированного я и называю нас «мы». Больше особо и обсудить не с кем. Её брата зовут Сергей вроде бы, а фамилию я не помню.

Ладно, у меня идея. Давай представим: я буду задавать вопросы, а ты будешь отвечать. Делай это так: перед сном представляй мое лицо и что мы разговариваем. Вернее так: представляй, что ты просыпаешься, принимаешь душ, бреешься, ешь завтрак, потом выбираешь одежду, одеваешься, завязываешь галстук (если пятница, можешь не завязывать), выходишь на улицу, садишься в машину и едешь на работу. Приезжаешь и проверяешь почту, а потом пишешь мне сообщение: давай выпьем кофе. И, красивый, нарядный, бритый, – приходишь ко мне, ладно? Мы занимаем места друг напротив друга, за *нашим* столиком, ты приносишь нам кофе, и мы болтаем: ты отвечаешь на мои вопросы, а я слушаю и улыбаюсь...

Я понимаю, что ты сейчас скептически морщишься, но просто попробуй: такие техники работают! Я буду приходить по утрам за наш столик, садиться там одна, брать сама себе кофе и слушать. И буду угадывать, что ты отвечаешь. В общем, мы попытаемся, а там как пойдёт, ладно?... Доверься мне. Этот бестелесный мир существует, и через него мы можем общаться со своими близкими и родными... (В этом месте часть текста была зачёркнута.) Давай лучше перейдём к вопросам.

Расскажи, как тебе там нравится? Действительно ли вы всем обеспечены? У нас тут в Москве продукты все на месте, но цены подросли, становится трудно закупаться, как прежде. За границу из моих на Новый год мало кто едет: больно дорого, да и по телеку не перестают твердить, что там опасно. «Угроза не миновала...» – из каждого утюга об этой угрозе. В общем, расскажи, как там с обеспечением.

Ещё расскажи, с кем ты уже познакомился. Есть ли у тебя друзья? Раз вас так много уезжает, то, может, ты встречаешь знакомых? Правда, говорят, в ваш городок после тебя уже никто не едет, всех везут дальше на север. Может, тебе ещё повезло?

Самое главное: напиши, что слышно о том, когда этот кризис закончится? У нас тут целые ток-шоу устраивают, по два-три часа могут обсуждать то, что всё скоро нормализуется, что угроза временная, что всерьёз никто не верит в войну, потому что Россия может дать отпор и так далее... Но чем чаще они говорят о временности, тем мне становится больше не по себе.

Сколько это уже длится? С осени? А скоро Новый год. Я думала, “временно” – это месяца полтора. Но раз городки только продолжают принимать людей и никто не возвращается...

Андрей, когда я об этом пишу, то начинаю плакать. Вот натурально. Может, ты даже видишь. (От этой фразы была нарисована стрелочка на засохшую каплю слёз, немного подмочившую чернила на одном из знаков препинания.) Видишь? Об этом тоже скажи. Мне так горько, что ты не можешь мне ответить. Но я правда начинаю верить, что всё образуется. Я скоро приеду, ладно? Или ты вернёшься ко мне. По крайней мере, на день рождения – ты же не можешь его пропустить, правда?

Почему я не уехала до сих пор? Надеюсь, ты понимаешь, что эта работа для меня очень важна. Ты всего добился, а я только начала делать карьеру... Правда, если редакция продолжит рассыпаться, то будет бессмысленно тут оставаться. Я только из-за нашего Пал Палыча тут, он гений, конечно... Но очень старенький, и его подкосила смерть жены... Он был странный какое-то время, и сразу грязные слухи идут, что главред-то, мол, ку-ку... Гадость.

В общем, не забывай: по вечерам ложись, представляй всё это и посылай мне ответы. На всё сразу не отвечай, по одному в день. Я буду вслушиваться. Наверное, тебе придётся повторять по несколько раз: всё-таки между нами тысячи километров, и мысль идёт долго... Блин, Андрей, ну не хмурься, пожалуйста! Поверь хоть раз в то, о чём я тебе говорю!

В целом, не считая подорожания и отъезда друзей, мы тут живём хорошо. В Москве, как всегда, очень красивая иллюминация и подсветка в честь Нового года, обещают разные концерты и ярмарки... Я, конечно, пойду. Вообще у нас светло. Я думаю о том, что бы хорошего сделать на следующий год, составила себя список планов. Может, начну помогать бездомным или детям-сиротам. Мне куда-то надо направить заботу, раз тебя нет больше рядом, понимаешь? Я надеюсь, ты тоже там о ком-нибудь заботишься: хоть собачку себе заведи. Кстати, где ты живёшь? Один или с соседями? Кто они, чем занимаются? Расскажи...

P.S. Всё это время, что писала, гадала: будет ли кто-то читать наши письма? Буду осторожнее в следующий раз.

P.P.S. Кстати, говорят, к Новому году разрешат посылки. Я попытаюсь собрать то, что тебе будет нужно. Думаю, уж если посылки разрешат, то обратные письма тем более!

P.P.P.S. Вообще всё у нас тут хорошо. Я так путано писала, потому что всё надо рассказать, но целый том писать тоже не хочется. Поэтому вот так. Но всё хорошо!!! Москва прекрасна!!! Если всё-таки ты будешь обдумывать возвращение, то здесь не всё так плохо. Ну, это я так... чтобы ты знал.

Обнимаю.

Лена».

Глава шестая

Новый друг

Андрей отложил письмо и вернулся к работе. В обед он отправился в столовую и столкнулся с Сергеем Владимировичем. Тот, вопреки своему всегдашнему образу, выглядел весёлым и улыбался.

– О, Андрей! Давай пообедаем! – воскликнул он.

Они сели вместе за стол.

– У вас сегодня последний день? – спросил Андрей.

– Честно говоря, последний был в пятницу. Сегодня меня тут уже не должно быть, но я до поздней ночи передавал дела новому редактору. Поэтому к переезду приступили только сегодня. А вот, кстати, и он!

Сергей Владимирович замахал рукой и крикнул:

– Серёжа! Подойди, будь другом! – И, повернувшись опять к Андрею, доверительно пояснил: – Тёзка.

К их столу подошёл низенький грузный человек с заплывшим лицом и совершенно безжизненными глазами. Он был изможден то ли смертельной усталостью, то ли болезнью. Его бульдожьих вислые щёки подрагивали, как желе, пока он шёл.

– Хочу тебе представить, это один из сотрудников, о котором я тебе говорил. Андрей Городков. Очень надёжный товарищ!

Андрей поднялся и протянул руку. У нового редактора была усталая потная ладонь, она показалась мягкой, как зефир, – Андрей побоялся, что если сжать её сильнее, то ненароком оторвёт.

– Очень приятно, очень, – отрывисто выдохнул новый редактор, – Сергей Степанович.

– Мне тоже приятно, – сказал Андрей.

– Городков у нас пишет о том, что эвакуация носит временный характер, – чуть понизив голос, сказал Сергей Владимирович.

– А, временный характер, да-да, очень важная колонка, – тихо и всё так же отрывисто, как будто у него были проблемы с голосом, закивал новый редактор.

– Ладно, Серёжа, иди, а то я тебя отрываю, а тебе ещё кабинет обставлять!

Когда новый редактор ушёл, Сергей весело спросил:

– Ну, как оно?

– Оно?

– Ну, жизнь?

– А, всё нормально...

– Что нового?

– Ничего.

– Как ничего? Может, роман, может, друзья новые?

– Роман? – удивился Андрей. – Вы что-то об этом знаете?

– Знаю? Нет, конечно, я же спрашиваю. Откуда мне знать.

Андрею стало не по себе. Может быть, кому-то другому он бы кое-что рассказал, но делиться с бывшим редактором совершенно не хотелось.

– А ты, кстати, оказался не такой плут, как я думал, – не дождавшись реакции, заговорил тот.

– В смысле?

– Пётр твой... не тот, кто мы думали. Действительно нарушил режим эвакуации, как ты и предупреждал.

– Да?!

– Я тогда подумал, что ты на него стучишь, потому что глаз на его жену положил, а оказалось, правда! Представляешь, пытался купить рацию на чёрном рынке, чтобы связаться с друзьями какими-то и попросить его вывезти отсюда!

Андрей изумленно смотрел на него, ничего не говоря. Вообще-то его удивила не столько сама информация, сколько то, что она совпала с его фальшивым доносом, за который он стыдился всё то время, что не спал.

– Ну? Что молчишь? Ничего, что я на «ты»? Мы теперь не подчинённый-начальник, можно нормально общаться.

– Я... да, нормально.

Только теперь Андрей понял, что бывший редактор выглядит совершенно иначе, чем в своём кабинете, где изображал из себя недовольную, из камня высеченную статую. Его лицо сделалось подвижным, и каждая мелкая морщинка ожила.

– Ну что я могу сказать, – проговорил Андрей, – я что-то такое в нём почувствовал с первой же встречи.

– Знаешь, это очень важно. Именно чувствовать, – уже без тени улыбки произнёс Сергей. – Многие думают, что таких, как он, надо вычислять по методикам, формулам... Я тебе как-нибудь покажу их. Но я работаю по старинке: чутьё и смекалка, понимаешь?

– Я не совсем понимаю, кем вы, в смысле, ты работаешь...

– Я же тебе объяснял. Мы внутренняя служба безопасности городка. Следим за тем, чтобы тут всё было в порядке, – Сергей откинулся на стуле и расправил плечи, как будто хотел, чтобы Андрей имел возможность как следует разглядеть его. Но под коричневым костюмом был всё тот же холодный человек, и Андрей ничего особенного не увидел. Он подумал, что бывший редактор настолько незапоминающийся, что если он не увидит его неделю, то может потом и не вспомнить.

– Что-то ты совсем не ешь, Андрей, заболтал я тебя, да?

– Нет-нет, мне очень интересно.

– Здесь идёт серьёзная работа и борьба, – Сергей снова придвинулся и совсем не улыбался. Он заговорил вполголоса, и взгляд его снова стал зловещим. – На самом деле ты не представляешь, какого масштаба война уже идёт вовсю.

– Не представляю.

– А ты попробуй: сюда свезли всяких либерастов со всей России, чтобы сделать из них нормальное общество. Естественно, кое-кто будет сопротивляться. Ведь, понятное дело, им хочется назад в фейсбучик или домой к маме, сдать квартиру, поселиться в Таиланде и ничего не делать. Или даже просто сидеть на диване и ничего не делать. А ещё им не терпится скучковать в баре и начать перемывать кости президенту и обсуждать, что у нас в России всё только закрывается и ничего не работает. Откуда же им знать, что даже в их Москве по двадцать заводов в год новых открывается?! – Сергей громко рассмеялся. Андрей заметил, что на них немного косятся со стороны. – Конечно, в их картинке мира всё только катится в пропасть, дорожает и так далее.

Андрей растерянно кивнул.

– Вот и представь, каков масштаб работы. Чтобы перековать всю эту шушеру... Эх, я тебе честно скажу, Андрей, я чувствую себя Моисеем. Буду водить толпу по пустыне, пока не выветрится из нее всё это говно.

– Ты, – Андрей попытался подобрать слова правильно, – ты это возглавляешь?

– Нет. Я – только клетка большого тела. Но когда ты часть чего-то большего, то тебе принадлежит и руководство этим. Ладно, это уже более сложная тема, а я тебя и так заболтал. Хотел поделиться. Думаю, ты поймёшь, – бывший редактор глубоко вздохнул и снова откинулся на спинку стула. Из внутреннего кармана он извлёк пачку «Северных», выудил сигарету и уже думал закурить, но как будто только в последнюю секунду вспомнил, что они в кафе-

рии. – Но я надеюсь, что мы подружмся и сможем это обсуждать. Всё-таки каждому бывает нужно перекинуться мыслями, услышать совет.

Он поднялся. Андрей тоже было начал подниматься.

– А ты посиди, пообедай. Ничего не съел даже, а тебе ещё работать.

– Хорошо.

Сергей похлопал его по плечу – оказалось, что у него тяжёлая сильная рука, – и отправился к выходу. Этот разговор занял почти весь обеденный перерыв, и Андрею пришлось доедать в спешке.

Вечером он улёгся на кровать и достал письмо Лены. Он хотел перечитать его, но неожиданно стены комнаты показались слишком грязными, прокуренными для её голоса, доносящегося со страниц. У него самого был миллион вопросов к ней, и жаль, конечно, что нет способа их задать. Может быть, – пришло ему в голову, – если они и впрямь подружатся, то Сергей поможет ему передавать письма в Москву.

Он оделся и вышел на улицу, чтобы перечитать письмо на свежем воздухе, под лучом фонаря. Шёл снег. Луч фонаря высвечивал спиралевидный столп снежинок, тот вился от земли к небу и соединял сугробы городка с дном тучи. Андрей задрал голову: чернота глядела в ответ с молчанием, в ней выл ветер. Показалось, что вдали рокочет вертолёт – ищет, верно, путь сквозь многодневную бурю. По воздуху, слышал он, в городок доставляли особо ценные продукты и высокопоставленных эвакуированных.

Андрей пошёл к фонарю и в темноте наткнулся на человеческую фигуру. Он чуть не снёс её, а когда помог ей удержаться на ногах, то по прикосновению узнал Стеллу. Она обернулась, наклонила голову и приветливо улыбнулась.

Не спрашивая, она поглядела на письмо в его руке и снова на него. Андрей стоял неподвижно, размышляя, что бы ей предложить. Идти в кафе уже поздно, но можно, пожалуй, затащить её в бар или ресторан. Тут он заметил, что она подрагивает от холода, и обнял её. Она казалась совсем маленькой и хрупкой посреди этих огромных сугробов. Он пытался сравнить её объятие с объятием Лены, но ничего не мог вспомнить. Стелла с молчаливым любопытством, как маленький ребёнок, потянулась к письму в его руке.

– Нет, – он отстранил её и спрятал конверт во внутренний карман.

– Твоя жена пишет?

– Нет.

– А кто?

– Пойдём в бар. Хочу выпить.

– Ты же не любишь бары.

– Откуда ты знаешь?

– Сколько ты уже здесь, ни разу не ходил в бар.

– Ты за мной следила?

– Мама следила, – безразлично сказала Стелла.

Она была такая близкая и такая чужая.

– Мне нельзя в бар. Мне ещё восемнадцать нет, – сообщила Стелла и улыбнулась.

– Тогда выпьем у меня.

В комнате он отыскал бутылку виски, привезённую еще из Москвы. Когда он ходил на узенькую кухоньку за стаканами, то подумал, что наверняка хозяйка подсылает к нему Стеллу, чтобы что-то выудить. Теперь подселение к местным жителям обрело смысл: такие, как Сергей, через их глаза и уши следили за настроением эвакуированных, подслушивали вечерние вздохи и утренние проклятия – помогали рассчитать, насколько близок наблюдаемый объект к переходу в новую реальность.

Плеснув в каждый стакан по паре глотков, Андрей пожал плечами: ему-то скрывать или стыдиться было нечего. На него нечего доносить – разве что отыщется такой же лгун, как

он сам, который выдумает донос... Но, пожалуй, и это не страшно. Ведь Сергей ничего не рассказал о карах.

Стелла покорно выпила вслед за ним. Он увидел, что это не произвело на неё большого впечатления, и налил ещё. Не было никакой закуски, поэтому его сразу слегка повело, и вскоре он почувствовал рвущееся наружу чувство любви – его требовалось куда-то направить, иначе он взорвётся однажды прямо посреди городка, от стыда и собственной напрасности. Маленькая румяная девочка перед ним была что надо. Её тело обмякло от выпивки и стало податливым как пластилин.

Потом они лежали, в той же крошечной темноте, он сделал ещё пару глотков и почти заснул, а она начала шевелиться, включила зачем-то свет и полезла к его вещам. Андрей понял, что она думает, что он спит, и хочет прочесть его письмо. Он было потянулся, чтобы остановить её, но оказалось, что его тело не слушается. Оно одеревенело от выпитого, и даже глаза перестали подчиняться. Он не мог даже увидеть, что происходит, и поэтому вышел из себя, поднялся к потолку и поглядел вниз. Какая же крошечная каморка, в очередной раз подумал Андрей, и поднялся ещё выше.

Через старые жилы дома он вылез на крышу, вспорхнул в чёрное, прорезанное редкими прожекторами небо и понёсся, поймав попутный ветер, на юго-запад – туда, где, по его представлениям, осталась Москва. Путь занял много времени. Андрей то находил, то терял железнодорожные пути, но всякий раз вой очередного поезда помогал нащупать нужное направление. Все составы шли только на север: ни один не двигался обратно. Что же, они так и бросают их там? Посреди полярной ночи, выгрузив последнего пассажира?..

Наконец к утру он добрался до Москвы, приземлился в родном дворе, тот ничуть не изменился – разве что стало поменьше машин; оказавшись дома, он вошёл в собственное прежнее тело. Оно было более подтянутым и спортивным, чем теперь. Прежний Андрей вскоре проснулся, потянулся, проверил телефон, принял душ. Затем он тщательно побрился, выбрал одежду, повязал галстук, отправился на работу. По пути он купил кофе и круассан в кафе «Пауль» и с удовольствием позавтракал прямо в пробке. В машине он слушал аудиокнигу. Придя в офис, Андрей разобрал почту и написал по мессенджеру Лене.

Они встретились – точь-в-точь как она просила, за *их* столиком, в *их* время – десять тридцать утра. Но когда Андрей открыл рот, чтобы начать рассказывать, оказалось, что у него кончились слова. Речь будто через невидимую протечку вылилась из него, и он как рыбка в аквариуме молча шевелил губами. Андрей схватился за голову, понимая, что его превратили в одного из членов массовки. Лена ласково улыбалась и тоже молчала, бесконечно помешивая кофе, но не притрагиваясь к нему.

Где-то в стороне разыгрывалось настоящее действие, массовой для которого они выступали. Андрей пытался вырваться из этого вяжущего театрального молчания, но его лицо не менялось, голос не возвращался. Он был тут никем, ужас охватывал его, ведь собственное тело сделалось тюрьмой, принадлежащей режиссёру и сценаристу. С криком он подскочил на кровати, из последних сил вырываясь из кошмара.

В каморке никого не было. Стеллино тепло давно выветрилось, и даже её запаха не осталось на второй половинке узкой постели, где она замерла, притворяясь спящей после любви. Он с трудом встал – голова раскалывалась, – залез в карман шубы. Письмо было на месте. Андрей на всякий случай проверил, может ли говорить, контролирует ли мимику. Потом он вернулся в кровать с письмом в руке и так и уснул, положив его себе на грудь.

На следующий день Андрею позвонил очень грустный Пётр и растерянно сообщил, что его вызывают на беседу с каким-то чиновником, а также что его отправили в бессрочный неоплачиваемый отпуск. В конце рассказа он попросил Андрея пойти с ним на беседу, поскольку тот выступал его поручителем. Андрей ответил, что обязательно придёт, если его

отпустит начальство. Он постучался в кабинет главреда около трёх часов дня и обнаружил, что дверь приоткрыта.

Сергей Степанович мирно спал в кресле, сложив влажные лапки на животе, и Андрей долго не решался его потревожить. Затем он осторожно кашлянул. В гробовой тишине кашель оказался довольно громким звуком, и новый редактор проснулся, забежал глазами по кабинету. Казалось, он не сразу понял, где находится. Потом он перевёл взгляд на Андрея и попытался вспомнить знакомое лицо. Так прошла примерно минута, и лишь затем голос измотанного человека прервал тишину:

– Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

– Сергей Степанович, вы не могли бы мне согласовать более ранний уход сегодня? Я должен присутствовать на беседе товарища с... компетентными органами.

– Органы... Ну и время мы застали, – пробормотал Сергей Степанович после долгого обдумывания информации. Андрей насторожился и стал глядеть на него суровее. Новый редактор, похоже, уловил эту перемену и тут же добавил: – Но раз надо, то идите, конечно.

– Материал сдам и сразу вам сообщу перед уходом, – сказал Андрей.

Когда они встретились с Петром, было около пяти вечера. Тот сказал:

– Давно не виделись.

Его лицо было высушенным и печальным. Хотя прошла всего пара недель, Андрею показалось, что за это время он постарел и потерял весь свой энтузиазм. Он подумал, что первое время в городке и сам выглядел так же. Изменилось ли что-то, он не знал, но, в отличие от Петра, у него были силы смотреть прямо перед собой – тот брёл по длинным коридорам казённого дома, опустив взгляд в пол.

– Ну и настроили себе гнездище, – пробормотал он; в гробовой тишине даже полусшёпот прозвучал отчётливо. – Зачем им столько народу тут?

– Я не знаю. Что это вообще?

– Называется «Департамент по информированию граждан и ревизии гражданской активности». Тебе говорит о чём-то?

– Нет, – сказал Андрей.

Они наконец нашли кабинет, указанный на квитке с вызовом Петра. С тяжёлым вздохом он постучал. В небольшом помещении буквой «Т» стояли два стола: для посетителей и хозяина. Вдоль стен теснились шкафы с пыльными папками, коробки и оргтехника, а справа висели календарь, пара старых картин и портрет президента – осмотрев всё это, Андрей понял, что бывал в десятках подобных кабинетов чиновников в Москве.

Его не удивило, что в кресле начальника сидит бывший редактор. Под внимательным взглядом президента тот смотрелся даже строже всегдашнего. В нём уже не было ни капли вчерашней весёлости – Андрей подумал, что смотрит на обуглившуюся поверхность того человека, который дружелюбно болтал с ним за обедом.

– Спасибо, что пришли. Присаживайтесь, – механически пригласил бывший редактор, начав делать какие-то записи в открытой перед ним книге.

– Можете, пожалуйста, сразу сказать, что это за вызов? – с ходу начал Пётр.

Сергей Владимирович поднял на него глаза, и Андрей вздрогнул от того, как это резкое движение лица напомнило ему о птичьём облике бывшего редактора. Заострившимся злым взглядом тот пронизывал Петра – точь-в-точь как в их с Андреем первую беседу – и выдерживал мариновующую чиновничью паузу.

– Вам всё объяснят, – едко процедил он, не повышая голоса, но всем своим видом давая понять, что вопросы сейчас неуместны.

– А кто вы? Вы милиция? Или следственный комитет? Почему это похоже на повестку? – Пётр явно не собирался так легко поддаваться на гляделки чиновника. Он выложил на стол

вызов. – Почему вы рассылаете эти бумажки, отвлекаете людей от работы? Я такого закона не знаю, по которому должен быть здесь.

– Вы могли не приходить. Но вроде у вас сейчас есть свободное время, – сказал Сергей, смягчаясь на полтона, необходимые как раз для того, чтобы сказать фразу подлиннее, но и не дать жертве намёка на снисхождение.

– То есть я могу уйти? Вы собираетесь приглашать понятых, может быть? Или Андрей тут будет свидетелем?

– Петя, может, ты...

– погоди! – воскликнул Пётр. – Мне интересно, каков здесь формат.

– Вы пока говорите сами с собой и не слушаете, – спокойно ответил Сергей. Он снял очки и моргнул пару раз. Этот жест человека, страдающего плохим зрением, очеловечил его, и Пётр слегка расслабился и сел.

– Да, я бы хотел услышать. Мне просто интересно, – сказал он.

– Вы здесь, потому что наша работа заключается в сохранении стабильности в городке, – миролюбиво объяснял Сергей, – поскольку ресурсы ограничены, а количество жителей растёт, наш департамент учредили, чтобы городские власти могли отрегулировать потенциальные конфликтные ситуации до их наступления.

– Та-ак.

– Нам стало известно, что, возможно, вы не хотите оставаться в городке. Это и является предметом нашей встречи. Ведь здесь никто никого не держит насильно.

– Правда? А откуда вам известно, позвольте узнать, то, что у меня может быть только в голове?

– Недавно полиция задержала одного человека, незаконного торговавшего радиооборудованием. В числе его клиентов значилось ваше имя, – спокойно и даже с лёгкой улыбкой сообщил Сергей. После этой фразы повисла пауза, и Андрей заметил, как его сидящий рядом товарищ съёжился и стал меньше.

– А почему здесь стало незаконно торговать радиооборудованием? – пробормотал он. – В смысле, я не знаю никакого такого человека, но мне просто хотелось бы понять.

– Потому что городок находится в особо охраняемой зоне. По сути это режимный объект. До тех пор, пока не выйдет новый приказ правительства. Меры, естественно, временные, – Сергей покосился на Андрея, и у того в голове моментально пронеслись три голоса, утвердивших о временности происходящего день за днём со страниц газеты.

– Ясно... Ну, как я уже сказал, мне ничего об это не известно.

– Действительно? – Сергей изобразил сильное удивление. Он протёр очки и снова надел их на нос, его лицо и взгляд заострились, голос стал более звонким и механическим, минуту он что-то писал от руки, Андрей вскользь отметил аккуратный, ровный почерк. – Просто если так выяснится, я закрою это обсуждение и сообщу в полицию, что они могут вызывать вас на допросы и все прочие мероприятия... Пойдёте как свидетель. Наверное. Я лишь хочу узнать, остаётся ли у вас желание пребывать в городке. Я задаю этот вопрос в первый и последний раз.

– Сначала всех сюда заманивали, чуть не выталкивали! А теперь задаёте вопрос! Конечно, тут паршиво! – воскликнул Пётр, но вид у него уже был не боевой, а скорее затравленный. Андрей косился на него с любопытством.

Сергей опустил голову и продолжил писать в журнале. Мужчины сидели в тишине, время клонилось к шести. Андрей привык, что в этот момент звучал звонок, он вставал и шёл домой. Усталость резко навалилась на него, он начал протирать глаза.

– Итак, – закончив писать, сказал Сергей, – у меня всего один вопрос: хотите ли вы оставаться в городке или хотите покинуть его?

Андрей вздрогнул. Почему вопрос не задают ему? Разве возвращение в Москву – это наказание? Если бы ему предложили вернуться в одну из первых недель – разве он не ухватился бы за этот шанс?

– Мне надо обсудить это с женой, – сухо ответил Пётр.

– А при чём тут жена?

– Как это при чём?

– В её благонадёжности ни у меня, ни у полиции нет сомнений. Естественно, она останется.

– «Естественно»?! – Пётр вспыхнул как спичка. Он вскочил и угрожающе навис над Сергеем, опустив крепко сжатые кулаки на чиновничий стол. Тот поднял на него взгляд и глядел, не мигая, словно пытаясь перебороть одними лишь чёрными глазами. – Я тебе скажу, что естественно: моя жена поедет со мной!

– Я не выпишу ей разрешение, – спокойно ответил Сергей. – Вам могу выписать, поскольку вы создаёте опасные настроения в городе своим антисоциальным поведением. А ей нет. Она может остаться и пользоваться привилегиями горожанина.

– Чёрт, вы что тут, все больные?! – закричал Пётр.

Он повернулся к Андрею, словно в поисках союзника, но потом его взгляд изменился, его лицо сложилось в гримасу злой брезгливости.

– Ты с ними заодно! – воскликнул он. – Как я сразу не понял?!

– Я? Почему? – удивился Андрей.

– Ты сидишь тут!.. С этим лицом!.. – Пётр задыхался от возмущения. – Как будто тебя это не касается!

– Его это действительно не касается, – вставил Сергей, – он ваш поручитель. В его интересах, чтобы вы соблюдали закон.

– Я ничего не нарушал, чёрт бы тебя подрал! – Пётр переключился на чиновника. – Я хотел купить рацию, чтобы узнать, какого хрена нас сюда свозят, почему отсюда никого не выпускают, почему нам нельзя пользоваться телефоном и писать письма!.. Тебе что, наплевать? – он снова повернулся к Андрею. – Ты же, мать твою, журналист! Тебе должно быть не всё равно, почему с людьми обращаются как с заключёнными!

– Я... – Андрей вдруг понял, что в этой сцене главную роль играет Пётр, а он стал маской и потерял голос. Кабинет, казалось, потемнел окончательно – лишь узкие пучки света падали на три лица: два ледяных, непроницаемых и одно, обезображенное яростью. Тенистые углы комнаты населили шепчущие, посмеивающиеся демоны.

– Я думаю, что понимаю, почему мы должны здесь оставаться, – вдруг сказал Андрей.

– Да неужели? И почему?!

Андрей раздумывал несколько секунд. Его скулы двигались, словно он прожёвывал тишину, пробовал ее на вкус. Затем он тихо произнёс то, что никто не заносил в его голову напрямую, но он чувствовал это поселившимся глубоко внутри, как нечто очевидное, неизбежное, пришедшее из самых старых детских кошмаров.

– Потому что будет война, – сказал он. – И Москвы не станет. И остальных городов тоже. И ничто их не защитит. Они опустеют... Все, кого мы знали там, исчезнут. Мы можем спастись здесь, только если враг не будет знать, где мы.

Пётр удивлённо уставился на него. Потом фыркнул и сказал, садясь на место:

– Пропганда! Ты знаешь, что всё это бредни! Не будет никакой войны. Им просто надо было, чтобы все думающие люди свалили, тогда они могут делать что хотят. Им надо опустошить наши головы.

– Вы задумывались, о ком говорите, когда произносите «они»? – спросил Сергей.

– Нет, – мрачно сказал Пётр, – но мы все знаем, кто это. Я не уеду без жены, – добавил он. – Либо с ней, либо остаюсь здесь.

– Тогда вас могут привлечь к ответственности за попытку приобрести запрещённое оборудование.

– Пускай...

Сергей дописал что-то в журнал и выдал Петру талон для выхода. Тот вяло поднялся. Из его тела будто вынули весь огонь, его движения снова были мягкими и медленными. Он пошёл к выходу, вслед за ним направился Андрей.

– Андрей Павлович, задержитесь, – попросил бывший редактор.

– Хорошо.

Он повернулся и спокойно посмотрел на Сергея. Пётр что-то пробормотал и вышел в коридор. Когда его шаги стихли, чиновник сказал:

– Садись, Андрюха.

Андрей сел, в очередной раз удивляясь тому, как этот человек преобразается за считанные мгновения. Сняв очки, чиновник протёр глаза. Раздался звонок – точно такой же, как в редакции, – сообщавший о том, что рабочий день окончен.

– Шесть часов, скоро пойдём домой.

– Угу, – отозвался Андрей.

– Ну как тебе наша работа?

– Работа?

– Ну, выяснение настроения неблагонадёжных граждан.

– Интересная работа, – рассеянно ответил Андрей.

– Если бы не твоё сообщение, этот человек, возможно, не привлёк бы внимания и мы бы и не узнали, что за мысли у него рождаются.

– Ого, – безрадостно сказал Андрей.

– Продолжай в том же духе. Общайся с людьми. Держи ушки на макушке. А я буду дружить с тобой и слушать, что ты говоришь, – пообещал Сергей.

– Хорошо. Только я ни с кем не общаюсь.

– Я знаю. Очень плохо.

– Ну да, – Андрей рассеянно кивал на всё, что ему говорили. Он мечтал о «Северных», о Стелле и о сне. – А что будет с теми, кого вышлют из города? Они действительно поедут домой? – спросил он, вспомнив эту часть разговора.

Сергей заговорщицки усмехнулся.

– Не так быстро. Но может быть, и поедут. Но ты всё правильно сказал: в Москве сейчас опасно. Это, конечно, временно, как ты знаешь: наши дипломаты прикладывают все усилия на мировой арене, чтобы избежать открытого конфликта. Но угроза пока сохраняется, и лучше быть не там. Просто поверь мне.

– Хорошо.

– Ну вот и славно. А что с ним будет, решит теперь полиция. Может, и ничего не будет, а может, штраф. Но мы продолжим присматривать за его поведением. Тебе, как хорошему горожанину, полагается награда. Хочешь телевизор?

– Телевизор? – удивился Андрей. – У меня и...

Он хотел сказать, что и дома не было телевизора, но вспомнил, что дома имелись компьютер, телефон, газеты со всего мира – в общем, всё нужное, чтобы получать информацию и развлечения, – и поэтому сказал:

– Да, хочу.

– Славно. Я тебе передам. А что ты на Новый год делаешь?

– На Новый год? А он скоро?

Сергей рассмеялся.

– Ну, посмотри на календарь.

Повернув голову, Андрей увидел, что было двадцать второе декабря. Уже с завтрашнего дня полярная ночь по секунде будет таять, пока не превратится в свою противоположность и всюду не воцарится день. Впрочем, в наступление лета было сложно поверить.

– Ничего не делаю.

– Тогда приходи ко мне. Я тут буду на дежурстве. Хоть посидим пообщаемся, – сказал Сергей. – Выпьем, телик посмотрим.

– А зачем тебе дежурить? – удивился Андрей. – Что может случиться?

– Им виднее.

Сергей благодушно улыбнулся, показывая, что говорит о таких силах, которые не стоит обсуждать или комментировать, и Андрей тоже натянул бесцветную улыбку. На следующий день в его комнате появился телевизор.

Глава седьмая

Вторая женщина. Новый год

Накануне Нового года он получил новое письмо от Лены. Она написала:

«Привет, Андрей.

Будем считать, что я получила ответы на свои вопросы. Я постаралась выждать немного, чтобы сразу не писать.

Скоро будет Новый год. Я решила тоже поехать куда-нибудь, чтобы не быть одной. Поеду к брату. Не знаю, буду ли возвращаться. Москва пустеет. Это, наверное, похоже на сорок первый год. Только вот... Не знаю, что “только вот”. Извини, пустая голова. Я поняла, что боюсь.

Теперь мне ничего особенно не хочется, только поехать к тебе. Но в ваш городок сейчас не попасть – он, говорят, забит до отказа. Да я и не знаю, там ли ты. Вдруг я пишу в пустоту. Мне кажется, что ты ничего не сделал из того, что я просила... Извини, я не хотела об этом, но я ничего не почувствовала, никаких твоих мыслей... Это так странно: неужели и правда там, куда я пишу, нет моего Андрея, а только всё засыпано снегом и дует ветер? Кто тогда это прочитает? А вдруг никто?.. Ужас. Если тебя нет, то, получается, и меня нет. Как в “Ежике”, помнишь? Я никогда не понимала особо, что там происходит, пока сама не угодила в такой туман. Интересно, ты знаешь, что у нас творится? У тебя там вообще есть новости?

Ты в курсе, что мы продолжаем со всеми ссориться и рвать отношения? По телику они скажут тебе, что “дипломаты работают” и бла-бла-бла, но на самом деле я только и слышу, что очередная страна ввела ограничения против каких-то чиновников, санкции, визы... Я помню, когда всё началось, все посмеивались, потом стали злиться и кричать, что с Россией так нельзя и мы всем покажем. А потом наступил какой-то надлом, и всем стало наплевать. Никто уже никому не может поехать – так и чего это обсуждать?

Мой брат, к которому я собираюсь (это старший, он до сих пор в Курске), помню, в те времена, когда всё началось, кричал мне по телефону, что я ничего не понимаю, что всё будет круто, что мы скоро увидим процветание и что к нам обратно будут проситься бывшие республики... Потом он стал как-то меньше об этом, я думала, из-за того, что родилась дочь у них. Но сейчас он вообще не говорит на эту тему. Я пробовала спросить, но он просто замолкает. Мне даже страшновато – что это в голове человека, который просто молчит, когда слышит вопрос? Напишу тебе потом, что он из себя представляет.

Иногда я думаю... Мне казалось это таким бредом. Я была так зла на тебя. А ты, наверное, был зол на меня. Конечно, я тебя подвела. Мне теперь странно это понимать. Неужели действительно возможно, что мы никогда не увидимся? Я не верила в тот день... Интересно, ты бы стал со мной разговаривать после того, как я не пришла к поезду? Я вдруг поняла тогда, что хочу запомнить тебя смеющимся, улыбающимся, свободным... А не хмурым на перроне (и не говори, что ты был не хмурый!). Я поняла, что эти полчаса или час, которые у нас будут, ничего не поменяют... И в общем вот. Не приехала. Потом узнала, что ни Лёшка, ни Игорь не приехали. Ты, наверное, страшно обиделся на всех. Ладно, я просто закончу на этом. Прости.

Слушай, ты всё-таки думай обо мне, ладно? Я думаю о тебе часто. Чувствуешь ли ты это? Давай будем думать о том, как увидимся, хорошо? Мы не можем не воссоединиться. Если у нас будет ещё хотя бы одна встреча, я буду говорить без умолку, пока не скажу всё-всё-всё. Звучит как угроза, да? (Смайлик.) Странно, я пишу это, и мне смешно, но хочется плакать.

Всё, хватит. Поеду куплю билет. Надо быть не одной в Новый год, а то начинается депрессия. Надеюсь, ты тоже там не один и у тебя есть друзья.

Мы встретимся. И теплые волны будут омыwać наши ноги. Представила сейчас... На море встретимся, хорошо?

Обнимаю.
Лена».

Андрей нахмурился, когда закончил чтение. Он действительно не пытался больше вернуться мыслями в Москву, боясь, что снова окажется немым и не сумеет сказать ни слова. Он закрыл глаза: ему представилось огромное расстояние, разделявшее их, и что оттуда, из далёкой точки на карте России, бьёт одинокий луч света, протянутый лично к нему.

В темноте, звенящей одиночеством (у которого на самом деле нет ни звука, ни запаха, ни цвета, но тем не менее оно способно казаться звоном), он пробовал нащупать путь к ней, но снежные преграды вставали волна за волной, каждая следующая – выше предыдущей. И он выбился из сил, прорезая их, да так и застрял где-то посередине. Из оцепенения его вывел бодрый голос диктора в новом шоу, которое началось в девять утра.

Он открыл глаза. Было утро вторника, оставалось поработать два дня, потом наступали праздники. Здесь не чувствовалось такой суеты, как в Москве. Собственно, если бы не напоминания его нового приятеля, он бы постоянно забывал о Новом годе. Андрей встал и покачнулся (накануне он крепко выпил в одиночестве и ещё не полностью протрезвел). На столе лежал галстук серо-голубого цвета – он собирался подарить его новому приятелю-чиновнику. Рядом он положил письмо. Тоскливое желание ответить теребило краешек его души.

– Лена, ну что я могу сказать. Здесь нормально. Есть дешёвый алкоголь и «Северные», – пробормотал он. Лёг на кровать без одежды, услышал, как в трубах сдавленно булькает вода: их дом хорошенько грели в связи с наступившими морозами. – Ещё тут в квартирах тепло. Надеюсь, у вас тоже, – добавил он, повернувшись к телевизору.

Ток-шоу заменило его мысли, и Андрей остекленевшими глазами смотрел на красавчика-ведущего и его гостей. Даже не верилось, что где-то в Москве они записывали эту передачу: добрых четыре часа напряжённой работы, куча гримёров, операторов, сценаристов, помощников... В городке такая яркая картинка смотрелась как фантастический привет с другой планеты – тут, наверное, и не собрать столько ярких цветов, сколько поместилось на экране. Андрей, насытившись пустой болтовнёй о предмете, который даже не запомнил, ушёл на службу. За время его работы в конторском полумраке ненадолго рассвело и снова стемнело.

На тридцатое декабря сотрудникам газеты был в последний момент объявлен выходной. В этот высвободившийся день Андрей решил позвонить Петру и узнать, как дела. Поначалу долго не было ответа. Затем ответил женский голос, он не сразу узнал Олесю.

– А, привет, Андрей, – растерянно сказала она, – ты знаешь, у нас беда. Петя пропал несколько дней назад, я не знаю, где он. Везде искали. Я звонила, но тебя не было дома. Твоя хозяйка сказала, что у тебя гостей не бывает... А к тебе не приходила полиция?

– Нет.

Олеся помолчала. Андрей представлял её, стоящую в полутёмном общем коридоре, прильнув к стене, увешанной куртками и шубами, и закрывшую глаза от усталости и отчаяния.

– Я слышала, – почти шёпотом сказала она, – что уже не первый человек так пропадает. И его в общем не особо ищут. Они говорят: да-да, мы ищем. А сами даже не смотрят на меня. Неужели с нами правда так поступают?

– Как «так»?

– Уничтожают нас, – чуть слышно пролепетала она, – тех, кто высказывает недовольство. Ведь Петя был очень взбудоражен тем вызовом. Он потом два дня не спал, очень переживал, что наговорил лишнего... Он такой – полезет на рожон, а потом жалеет. Даже думал найти того чиновника, извиниться. И пропал.

– Он ходил к нему?

– Он собирался в тот день. Но полиция говорит, его никто не видел. Получается, он вышел из дома и просто исчез, как в сугроб провалился. В принципе немудрено: тут же никто не поднимает глаз от земли. Но я ходила к тому чиновнику, и меня не пустили, понимаешь?

– Понимаю.

– Я никогда не была такой беспомощной, – сказала Олеся после долгой паузы. – Даже в детстве. Всегда есть какой-то ответ, что делать в той или иной ситуации, а тут я просто как без рук. Я попросила организовать общественные поиски, но как их сделать без интернета и телефона? Я хожу по тем местам, где мы с ним бывали, просто брожу по городу... Я тоже хочу пропасть, – она заплакала.

Андрей почувствовал леденящее отчаяние, оно передалось по телефонным проводам сквозь заснеженные улицы городка. Он с содроганием подумал, что его безумная идея обмануть редактора и избавиться от назойливых расспросов причиняет столько горя. Её плач постепенно стихал, потом повисла тишина.

– Всё будет хорошо, – пробормотал он. – Хочешь, я приду? Покажешь мне картину.

– Да, – обесцветившимся голосом согласилась она.

Андрей оделся и пришёл. В квартире никого не было, хотя во всех комнатах (почему-то двери были нараспашку) он заметил следы жизни множества людей.

– Тут ещё две семьи, – сказала она, приглашая идти за собой, – хозяйская и другие эвакуированные. Но здесь хотя бы дали отдельную комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.